ЛЕНИН
ОГОНЁК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 33 АВГУСТ 1982

Остановить израильскую агрессию!

Зоотехник-селекционер контрольно-испытательной станции Валентина Чорная.

Стадо племенных коров.

СТРОКА ИЗ
ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ
ПРОГРАММЫ

ЖИТОМИРСК

Генетическую экспертизу проводят старший научный сотрудник лаборатории иммуногенетики Л. П. Новоставская и старший лаборант А. Д. Ходаковская.

Общий вид комплекса.

Ю. СУРХАЙХАНОВ

Фото И. ТУНКЕЛЯ

Надев специальную одежду и обувь, проходим через санпропускник на территорию элевера — так называется комплекс по выращиванию и оценке быков. Заметив нас еще издали, быки протестующе ревут. Они стоят под летним навесом. Ближний к нам — статный красавец Лимон. Высокий в холке, он похож на зубра. Лимон возмущен присутствием посторонних: наклонив голову, он гребет под себя правой передней ногой, но розовое ко-

Продолжение см. на стр. 24.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2874)

14 АВГУСТА 1982

...ИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Перед началом беседы.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

5 августа член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов принял в Кремле делегацию Комитета министров иностранных дел неприсоединившихся государств по палестинскому вопросу в составе министра иностранных дел Республики Куба И. Мальмиерки, министра иностранных дел Республики Кипр Н. Роландиса, министра иностранных дел Республики Никарагуа М. д'Эското; министров других стран, входящих в комитет, представляли соответственно посол Гайаны в СССР Ф. Н. Чан, посол Индии в СССР В. К. Ахуджа, посол Сенегала в СССР П. А. Сане, посол Шри Ланки во Франции Н. Баласубраманиам, временный поверенный в делах Югославии в СССР Д. Штрбац.

Делегация информировала о позиции движения неприсоединения в связи с израильской агрессией против Ливана и палестинского народа и о решениях, принятых по этому вопросу на состоявшемся в Никосии заседании координационного бюро движения неприсоединения. От имени всех неприсоединившихся государств делегация выразила глубокую озабоченность опасной обстановкой, сложившейся на Ближнем Востоке в связи с варварской агрессией Израиля, и решительно осудила израильскую агрессию против Ливана и палестинского народа, соучастие Соединенных Штатов Америки, сделавшее возможным эту преступную агрессию.

Н. А. Тихонов сказал, что события в Ливане находятся в центре внимания советского руко-

---

СССР 60 ЛЕТ

В СЕМЬЕ ЕДИНОЙ

КОНКУРС ЧИТАТЕЛЕЙ

ЧЕТЫРЕ ПОКОЛЕНИЯ СЕМЬИ СОЛОМКО

Более десяти рабочих поселков окружают наш индустриальный Краматорск. И больше всех из них мне нравится поселок Старая Беленькая. Нравится не только потому, что он расположен в живописной долине реки Беленькой напротив мощного мелового кряжа, а скорее всего потому, что в поселке живут мужественные и трудолюбивые люди.

Много уже лет я знаю семью Соломко. Основали ее еще до революции Макар Иванович и Анастасия Ивановна Соломко. Родили они семерых детей — семерых сыновей, изо всех сил старались, как говорится в народе, сделать их людьми.

Анастасия Ивановна совсем не знала грамоты, едва мог расписаться и Макар Иванович. Большой хлеборобский труд кормил семью. Дети тоже помогали, занимаясь портняжным, сапожным, а то печным или ведерным делом. Глава семьи, Макар Иванович, как только услышал о строящемся Новокраматорском машиностроительном заводе, пошел туда такелажником.

Шли годы, и вот уже завод во всю ширь развернул свои плечи. Начали работать механический, модельный, кузнечные и другие цеха. Подросли к этому времени сыновья, и отец одного за другим ежегодно приводил их на завод, ставил за токарные станки. Так и связали все семеро братьев судьбу с заводом, стали квалифицированными специалистами, получили образование.

Добросовестный труд братьев не остался незамеченным. Их поощряли как победителей соревнования, отмечали наградами и премиями.

Годы брали свое, и Соломко один за другим уходили на заслуженный отдых. Ушли из жизни Михаил Макарович и Федор Макарович. Но род Соломко живет и здравствует: восемнадцать детей привели братья в цеха завода. Стали они надежной рабочей сменой своим отцам. Четверо получили среднее, восемь — среднетехническое и шестеро — высшее образование.

Какие же специальности приобрели члены многочисленной династии Соломко? Вот они, гордость завода: слесари и мастера, технологи и конструкторы, те, кто своими руками создает прокатные станы и экскаваторы, прессы и молоты, рудоразмольные мельницы. Николай Федорович Соломко, например, проектировал отдельные узлы стана тугоплавких и жаропрочных металлов для комбината в Чирчике Узбекской ССР, а потом вместе с узбекскими рабочими вел монтаж этого стана.

Надо сказать, что в заводском коллективе работают представители многих национальностей. Русские и украинцы, белорусы и молдаване, татары и таджики, армяне и узбеки. Инженеры и станочники, сталевары и слесари-сборщики, они создают машины и оборудование для народного хозяйства всей страны. Гурам Нестерович Гамреклидзе занят приводами для станов, в том числе и для Руставского металлургического завода. Татарин Борис Богаудинович Гильфанов проектирует узлы металлоконструкций роторных комплексов. И с ними плечом к плечу трудится третье поколение Соломко. Надежда Дмитриевна — инженер-технолог, Виктор Федорович — мастер, Анатолий Иванович и Александр Иванович — слесари; двенадцать человек непосредственно заняты на производстве.

Входит в трудовую жизнь и четвертое поколение. Двое из них уже работают на заводе, трое учатся в институте, двенадцать — в средних школах. Но не только трудом славен род Соломко. Вспомним Макара Ивановича, основателя этой рабочей династии. Сколько бы времени ни отнимала работа, но час для «потехи» он находил. На весь поселок Старая Беленькая он был единственным и притом лихим гармонистом. Его гармошка-ливенка веселила сельчан на всех праздниках, приносила уставшим людям бодрость и хорошее настроение. По примеру отца семеро его сыновей тоже стали гармонистами. А потом старший, Михаил, передал свое мастерство детям, племянникам и племянницам. Позже освоили они и более сложный инструмент — баян. Внуки Макара Ивановича стали не просто любителями музыки, а высокими мастерами игры, а два — профессионалами. Получили специальное среднее и высшее музыкальное образование и теперь преподают в музыкальных училищах, школах, в клубах. В составе заводских ансамблей побывали Соломко во многих районах и городах республики, а также в Индии, Польше, ГДР, показали и свое мастерство и богатство украинских мелодий.

Четверть века отработал баянистом в заводском Дворце культуры Михаил Макарович, обучив своему искусству несколько поколений.

Вспоминается такой случай. Провожал в армию своего сына Александра Иван Макарович Соломко. На торжественный вечер пришли и одноклассники Александра, с которыми он учился в школе, и рабочие цеха, где он работал, и вся Подгорная улица, на которой он родился и вырос.

Не умещались гости в хате, вынесли столы в сад и во двор. Братья Соломко и их дети принесли баяны, а Михаил Макарович пригласил на проводы артистов, установили микрофон.

Собравшиеся, затаив дыхание, слушали слова из поэмы Александра Твардовского:

И вот за стол кленовый
Идут, идут Фроловы.
Идут, идут — брат в брата,
Грудь в грудь, плечо в плечо.
Седьмой, восьмой, девятый,
А там еще! Еще!..

Красивые слова, и казалось, что написаны они и о семье Соломко, о важно восседавших за столом семи братьях — Федоре, Иване, Дмитрии, Михаиле, Григории, Андрее, Василии, об их детях, их внуках...

О. СОЛЯНИК

Краматорск.

Фото П. Космынина

Семья Соломко.

водства, о чем свидетельствуют также ответы Л. И. Брежнева на вопросы газеты «Правда» и его послания президенту США. Советский Союз твердо выступает за то, чтобы была немедленно снята блокада Западного Бейрута, чтобы агрессия Израиля была прекращена и его войска незамедлительно выведены с ливанской территории. Было подчеркнуто, что Советский Союз будет и впредь оказывать помощь и поддержку палестинскому и ливанскому народам, всем, кто оказывает сопротивление агрессору.

Фото А. ГОСТЕВА

НАШ ВЗГЛЯД

ФЛАГ НАД КРАСНЫМ ФОРТОМ

Василий КОНДРАШОВ

15 августа 1947 года первый премьер-министр освободившейся от британского колониального владычества Индии Дж. Неру поднял индийский государственный флаг над городской цитаделью в Дели Красным фортом. Эта простая, но исполненная глубокого смысла церемония свидетельствовала об исторической перемене в жизни древней страны — о наступлении эры независимости.

Трудный и сложный путь прошла Индия за эти 35 лет по пути национального развития. Бывшая колония принадлежит к числу крупнейших государств мира. Голос великой азиатской державы уверенно звучит на мировых форумах.

Огромны достижения Индии и на пути социально-экономических преобразований. Мощные силуэты доменных печей, ажурные нефтяные вышки, нескончаемые вереницы опор электропередач, заводские и фабричные трубы прочно вписались в ее ландшафт. Бесспорны успехи Индии и в развитии науки, культуры.

Советский народ с большой симпатией следит за продвижением Индии по пути прогресса. Советский Союз и Республика Индия строят отношения между собой на принципах уважения суверенитета и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды.

Важным фактором на этом пути явилось подписание советско-индийского договора, который закрепил положительный опыт, накопленный за долгие годы сотрудничества. Договор создал прочную правовую и политическую базу для дальнейшего их развития. Он открыл также дополнительные возможности для существенного продвижения вперед всего комплекса советско-индийских отношений.

В этом документе нашли отражение глубокая заинтересованность обеих стран в развитии взаимной дружбы и сотрудничества, их стремление к миру и безопасности в Азии и во всем мире. И это обоюдно выраженное стремление вполне естественно, если учесть, что речь идет о крупнейшей социалистической державе и крупнейшей неприсоединившейся стране, играющих активно миролюбивую роль на международной арене.

Опыт минувших лет со всей убедительностью подтвердил жизненность советско-индийского сотрудничества. Он показал также, что договор, оправдавший свое предназначение, служит прочной и надежной базой для дальнейшего развития дружбы и сотрудничества между Советским Союзом и Республикой Индией, которые отвечают коренным национальным интересам обеих стран. Советско-индийские отношения выдержали испытание временем. Они стали важным фактором укрепления мира в Азии и за ее пределами.

Советско-индийский договор о мире, дружбе и сотрудничестве дал новый стимул для дальнейшего расширения многообразных сфер сотрудничества наших стран. С помощью СССР в Индии построено или сооружается свыше 70 хозяйственных объектов. Среди них такие гиганты индийской черной металлургии, как комбинаты в Бхилаи и Бокаро, завод тяжелого машиностроения в Ранчи, завод горношахтного оборудования в Дургапуре и тяжелого электрооборудования в Хардваре, и многие другие. На долю предприятий, построенных при содействии СССР, приходится 40 процентов выплавляемой в стране стали, около 70 процентов добычи и 35 процентов переработки нефти, 20 процентов производства электроэнергии.

Растут научные связи между нашими странами; особенно впечатляющий характер они приняли в области космических исследований. Совместными усилиями специалистов наших стран в космос были запущены два индийских искусственных спутника Земли.

Во время своего официального дружественного визита в Индию в конце 1980 года Л. И. Брежнев говорил: «Здание советско-индийского сотрудничества покоится на крепком фундаменте — на Договоре о мире, дружбе и сотрудничестве. Вот уже скоро десять лет он хорошо служит нашим народам. Как ствол могучего дерева обрастает зелеными ветвями, так и этот договор обрастает все новыми и новыми соглашениями о связях, обменах, взаимодействии. Он помогает нам сотрудничать и в деле борьбы за прочный мир и справедливые отношения между народами».

Высокую оценку состоянию и перспективам советско-индийских отношений дают также государственные и политические деятели Индии. Они подчеркивают, что СССР является надежным и бескорыстным партнером, на которого можно положиться в трудные времена.

«Советский Союз,— указывала премьер-министр Индии Индира Ганди,— верный друг Индии. Он помогал нам в экономическом развитии и поддерживал наши позиции по многим важным международным проблемам».

Отношения тесной дружбы, сложившиеся между нашими странами, характеризуются устойчивостью и стабильностью, а также динамизмом развития. Это особенно важно сейчас, в наши дни, когда актуальнейшей задачей, стоящей перед человечеством, является упрочение мира, предотвращение новой мировой войны, когда по вине империалистических кругов, и в первую очередь Вашингтона, в мире осложнилась обстановка, когда пекинское руководство по-прежнему делает ставку на гегемонистские устремления. Упрочение советско-индийских отношений еще раз подтверждает важность единого фронта социалистических и неприсоединившихся стран, противостоящего агрессивным силам империализма.

Отмечая национальный праздник Республики Индии, советские люди с удовлетворением констатируют, что отношения между нашими странами вышли на новые рубежи, поднялись на еще более высокую ступень, тем самым продолжая вносить значительный вклад в дело обеспечения интересов советского и индийского народов, всеобщего мира и безопасности.

Проклятье убийцам!

ВАРВАРСТВО

Владимир КОВНАТ,
корреспондент-кинооператор
Советского телевидения
на Ближнем Востоке

Фото автора

Атака израильских ВВС на город мало чем отличалась от предыдущих. Все это можно охарактеризовать двумя словами — регулярное зверство.

Когда ветер отнес в сторону клубы дыма, пыли и бетонной крошки, мы увидели знакомую картину — обвалившиеся здания, убитых, изувеченных и обожженных людей — главным образом детей и женщин. Самолеты зашли со стороны солнца и на огромной скорости спикировали на свои цели, выпустили ракеты и исчезли за морским горизонтом.

Рев турбин, зловещий резкий шорох идущих к земле ракет, гул взрывов и грохот орудий ПВО застали нас на Мазре, главной магистрали Бейрута. Немногочисленные прохожие метались по улице в поисках укрытия. Через окна машины мы видели, как группа бойцов ПДС — НПС бросилась к зенитному пулемету и открыла огонь по самолетам. Все это происходило рядом с нашим корпунктом. Целый район — от знаменитого когда-то супермаркета «Спиней» до Арабского университета — заволокло дымом и пылью сильных взрывов. Самолеты, летавшие некоторое время где-то далеко над Средиземным морем, снова ринулись на город. Серия оранжевых вспышек, черно-серые клубы разрывов ракет... Раз-два-три... Резкие тяжелые удары — звук долетел до нас меньше чем за три секунды. Значит, расстояние — около одного километра.

Все люди, не занятые в ПВО, находятся в укрытиях — улицы совершенно пусты. Стараясь не налететь на поваленный столб и не угодить в воронку, объезжаем многочисленные завалы, перекрывающие бейрутские улицы. Приходится основательно поработать рулем, прежде чем мы подъезжаем к гостинице, где часто останавливались прежде во время киноэкспедиций в Бейрут. А теперь здесь развернут один из многочисленных временных госпиталей.

Входим в хорошо знакомый двухместный номер. Окно высажено взрывной волной. На двух кроватях — обожженные женщины. Страшные фосфорные ожоги на лицах, руках и ногах.

В соседнем номере (или, теперь, в палате) двое мужчин, тяжело раненных осколками и обожженных. Один из них непрерывно бредит, увидев блестящий глаз объектива, в ужасе закрывается забинтованной рукой. Всюду раненые, искалеченные, опаленные фосфорным огнем. И так — палата за палатой. Но внезапно мы в ужасе замираем. Проходит некоторое время, прежде чем решаюсь поднять камеру, говоря себе, что люди должны все это увидеть. В палате — две тринадцатилетние девочки. У одной обожжено все тело. Стискивая зубы, она правой рукой слегка приподнимает и опускает простыню над особенно сильно обожженными местами кожи. Ее лицо не пострадало от фосфора, но левая рука покрыта толстым слоем бинтов.

Вторая девочка, видимо, была очень красивой. На опаленном лице печально светятся огромные, с длинными ресницами глаза. Лоб, щеки, грудь и руки — в ужасных ожогах.

Сняв все это, пятимся в коридор, прислоняемся к стенке и закуриваем. Рубашки прилипли к спинам от холодного пота. А в это время по коридору проводят светловолосого и голубоглазого ребенка, раненного в голову. Эта трехлетняя девочка не позволяет, чтобы ее взяли на руки. Нам объясняют, что она не пойдет на руки к чужим. Спрашиваем, где же ее родители. Молодая санитарка слегка бледнеет и отвечает, что родителей у ребенка больше нет...

Не нужно думать, что корреспондент, работающий в сегодняшнем Западном Бейруте, старается вызвать у читателя жалость к бейрутцам, описывая страшные картины. Вовсе нет. Здесь, в окруженном городе, приходится видеть такие вещи, которых не выдержал бы и судебный протокол. Не будем писать об этом в популярном журнале, который читают и наши дети. Но все, что описано

Продолжение см. на стр. 6.

Рис. КУКРЫНИКСЫ

ТЕЛЬ-АВИВ

MADE IN USA

US

ЛИВАН

выше, и многое неописанное — прямое обвинение в геноциде, бесчеловечности и варварстве, совершаемых регулярно.

Когда у пленного израильского летчика спросили, как можно убивать, калечить и жечь неповинных и беззащитных детей и женщин, он стыдливо улыбнулся.

Израильские вооруженные силы, оснащенные новейшей американской военной техникой, каждый день совершают на территории Ливанской Республики все более и более тяжкие и отвратительные военные преступления. Нет смысла приводить цифры — к моменту выхода журнала эти цифры неизбежно увеличатся. Но двадцать пять временных госпиталей открыто в Западном Бейруте, и этого уже совершенно недостаточно.

Ответы Леонида Ильича Брежнева на вопросы газеты «Правда» и его телеграмма Ясиру Арафату дают четкую характеристику сегодняшнему положению в Ливане.

Американо-израильский военный авантюризм стал опасным для всего человечества, а не только для арабов, населяющих окружающий Ливан ближневосточный регион.

Как ни тяжело положение в осажденном Бейруте, стойкость его защитников удивительна и вызывает восхищение. Город живет. На улицах жгут накопившийся мусор, кое-где даже ремонтируют поврежденные снарядами и авиабомбами здания. Руководство ПДС — НПС старается поддерживать в Западном Бейруте порядок и спокойствие. Бойцы отрядов ПДС — НПС отбивают атаки израильских интервентов на южных окраинах города. Каков бы ни был окончательный исход израильской агрессии, вот уже два месяца мощная и тяжело вооруженная армия терпит урон от партизанских сил палестинских и ливанских патриотов. План захватить Ливан и Бейрут за несколько дней провалился, и это вынуждены признать даже сами сионистские лидеры. В Израиле растет недовольство небывалыми людскими потерями.

Мы едем по знаменитой Рауши — многокилометровой набережной Бейрута. Еще не так давно это был известнейший на Востоке рынок, где делались многомиллионные торговые обороты. Тысячи автомобилей всех марок и цветов и многие тысячи людей практически всех национальностей мира можно было видеть здесь с утра до вечера. Сегодня это пустынная, изрытая снарядами и ракетами длинная прибрежная полоса обороны столицы Ливана. Израильские военные корабли маячат в ослепительном жарком мареве Средиземного моря, периодически посылая снаряды и ракеты в красивые жилые дома и отели на побережье. Едем мимо ряда срубленных осколками пальм, мимо батарей ПВО, и зенитчики, не отходящие от своих автоматических пушек, укрытых земляными брустверами, провожают нас взмахами рук.

Нелегко защитникам и мирным жителям Западного Бейрута, но город живет, и не так-то просто его убить. Симпатии всех людей доброй воли здесь, в осажденном Бейруте, и это придает стойкость всем, кто смело противостоит регулярному варварству безжалостного фашиствующего врага.

Бейрут

АФРИКАНСКИЙ РОГ: ОБСТАНОВКА ОБОСТРЯЕТСЯ

Вновь неспокойно в районе Африканского Рога. Обострилась обстановка на севере Сомали, где идут ожесточенные бои между правительственными войсками и подразделениями Демократического фронта спасения Сомали (ДФСС). В ходе боевых действий используются танки и бронетранспортеры, минометы и тяжелые пулеметы. По сообщениям зарубежных агентств, регулярная армия Сомали несет тяжелые потери: сотни убитых и раненых. Многие солдаты и офицеры переходят на сторону ДФСС.

Волнения в северных областях Сомали начались примерно полтора года назад, когда в одной из воинских частей, расквартированных в Доло, вспыхнул мятеж, который Могадишо удалось тогда подавить ценой больших усилий. Потом последовали жестокие репрессии, публичные казни и расстрелы, удаление с постов многих политических, государственных и военных руководителей, на которых Сиад Барре больше не мог положиться.

Первоначально, еще в 1980 году, лидеры Могадишо пытались дело представить так, будто беспорядки на севере страны были вызваны этническими распрями. Эту версию усиленно поддерживала и западная буржуазная пресса. В этом нет ничего удивительного, ведь и сейчас западные информационные агентства провели массированную пропагандистскую артподготовку, каждый залп которой оповещал мир о «вторжении эфиопских войск» на территорию Сомали, о якобы военной помощи, оказываемой эфиопской стороной отрядам Демократического фронта спасения Сомали.

Социалистическая Эфиопия твердо заявила, что события, происходящие в соседней стране, вызваны кризисом режима Сиада Барре и являются внутренним делом самих сомалийцев.

Затем западные средства информации выпустили на свет божий очередную, порядком набившую оскомину «утку». Мол, на стороне сил ДФСС воюют регулярные части эфиопской армии, которую, в свою очередь, поддерживают русские, кубинские и южнойеменские войска. Трудно сказать, на что рассчитывали в Могадишо, пойдя на эту заведомо явную ложь.

И как часто бывает в таких случаях, после лживой канонады западной прессы к делу приступил Пентагон. В аэропорту Могадишо приземлились три транспортных американских самолета, доставивших партию оружия и военного снаряжения. Вашингтонская администрация решила «оказать срочную помощь» шатающемуся режиму Сиада Барре. Военные поставки были подкреплены личным посланием самого президента США Р. Рейгана.

Уже задействован американский военный плацдарм на острове Диего-Гарсия в Индийском океане. С его бетонных дорожек стартуют сегодня транспортные самолеты с военным грузом, поднимаются в воздух и берут курс на Сомали самолеты-разведчики.

Конвейер, включенный Пентагоном, работает бесперебойно. Быстрее доставить груз к месту событий, только бы не опоздать с оснащением сомалийских правительственных войск самым современным вооружением. Здесь уж не до тонкостей международного права. Тем более, что в Вашингтоне давно уже никто не задумывается над вопросом: а как оценит действия США мировая общественность?

Итак, маска в который раз сброшена.

К чему, однако, такая спешка? Небольшой экскурс в историю, к тому же недавнюю, и все станет ясно.

В августе 1980 года Вашингтон и Сомали заключили соглашение, которое предусматривает поставки в Сомали американского оружия на сумму в 40 миллионов долларов. В знак благодарности лидеры Могадишо обещали предоставить в распоряжение Пентагона свою территорию для создания на ней американских военных баз. Пентагон, естественно, особенно интересовал важный стратегический пункт в Красном море—порт Бербера, который, по словам агентства Ассошиэйтед Пресс, «давно уже превратился в американскую деревню». Здесь вольготно чувствуют себя заморские военные специалисты, построившие сомалийскую базу по подобию сотен других своих военных баз в разных районах мира.

Конфликт между сомалийскими повстанцами и войсками, верными Сиаду Барре, пришелся американской администрации явно не по нутру, ибо чаша весов в этой борьбе явно склоняется ныне в пользу Демократического фронта спасения Сомали. Вот почему появились на свет измышления об «агрессии» Эфиопии.

«Вряд ли кого в мире сейчас убедят фарисейские заявления о помощи агрессивному режиму Сиада Барре,— писала на днях газета «Серто адер», орган Центрального Комитета Комиссии по организации Партии трудящихся Эфиопии (КОПТЭ).— Ведь свежи еще в памяти территориальные притязания Сомали на Огаден — исконно эфиопскую землю, которая до сих пор не залечила ран от жестоких сражений».

И нет никаких гарантий тому, что вооружение, которое получает сегодня Могадишо, не будет и на этот раз использовано против социалистической Эфиопии.

И. БАБА-ЗАДЕ,
соб. корр. АПН — специально для «Огонька»

Аддис-Абеба.

НА БЕРЕГУ ТЭДОНГАНА

15 АВГУСТА — ДЕНЬ ОСВОБОЖДЕНИЯ КОРЕИ

Некогда под затейливой черепичной крышей старинных ворот, что стоят на берегу реки Тэдонган в Пхеньяне, висел тринадцатитонный медный колокол. Предание рассказывает, что он звонил в дни радости народной и в грозный час опасности. Теперь голос тэдонганского колокола, усиленный радио, возвещает пхеньянцам о наступлении Нового года.

О наступлении новой жизни в стране с многовековой историей возвестил август 1945 года, когда Советская Армия, разгромив на корейской земле полчища японских империалистов, освободила корейский народ от иностранного порабощения.

Если идти по центральной улице Пхеньяна — проспекту Народной Армии — или вдоль проспекта Чхоллима, застроенного современными многоэтажными домами, то трудно представить, что тридцать лет назад здесь дымились руины и пепелища. Столица народной Кореи была почти полностью разрушена во время войны 1950—1953 годов, развязанной американскими империалистами и их южнокорейскими марионетками. Почти полмиллиона бомб, полторы тысячи налетов — вот что принесла война только одному этому городу.

Корейский народ с любовью и терпением отстроил заново свою столицу, залечил раны войны на родной земле. В этом ему помогал Советский Союз. С помощью СССР и других братских стран восстановлено, расширено или сооружено заново более ста заводов, электростанций, рудников. В их числе и столичный текстильный комбинат, самый большой в республике.

В Пхеньяне много крупных предприятий. Здесь делают электровозы и телевизоры, ткани, станки и многое другое. Столица КНДР — это город новостроек. Каждый год его жители получают десять тысяч новых квартир. Облик современного Пхеньяна — это и Дом науки, Дворец спорта, Народный дворец культуры, комплекс матери и ребенка. С каждым годом хорошеет древний город, благоустроеннее и краше становятся другие города и села республики.

Север и Юг... Раскол страны — незаживающая рана в самом сердце. Юг Корейского полуострова, где правит военная диктатура, США превратили в свой стратегический плацдарм. Колючая проволока 38-й параллели разлучила миллионы корейских семей.

Мирное демократическое объединение родины — страстное желание корейского народа. Советское правительство поддерживает усилия КНДР добиться того, чтобы вся страна была единой, мирной, процветающей.

Н. КРЫЛОВА

КОСАРИ АМУРСКОЙ ПОЙМЫ

Август уже в самом начале осыпал хабаровчан холодным дождем, напомнив об осени, и помчался, подталкивая лето к закату, по амурской пойме, где на речных берегах поднимались стога. Накануне двухдекадной битвой прокатился по этим местам сенокос. Он обнажил многие характеры. В лугах в те горячие, напряженные дни открылась истинная цена каждому работнику. И величавые стога сена — это и поэзия крестьянского труда и память о лете, но главное — гарантия сытной зимовки на фермах.

На землях совхоза имени Ленина стога привлекают особой аккуратностью. Стоят они на взгорке — один, другой, третий, десятый...

— Творцы пейзажа — хлопцы из бригады Владимира Васильева,— говорит первый секретарь Хабаровского райкома КПСС Василий Яковлевич Могила.

Владимир Данилович Васильев живет в Хабаровске, работает инженером в Главстальстрое и вот уже на протяжении многих лет собирает на отпуск сенокосную бригаду и выезжает на совхозные луга. Кто работал на сенокосе, знает, насколько труден этот процесс. Несколько облегчает дело прессование сена в тюки. Но в этом году в крае вышла осечка со специальным шпагатом, где-то кто-то не сработал, и тюков сделали намного меньше обычного. На собрании бригадиров кормозаготовителей, которое проводили райком КПСС и райисполком перед сенокосом, решили больше сена застоговать. Вот тут-то и проявила себя рабочая смекалка! Ребята из бригады В. Д. Васильева соорудили из металлических прутьев огромную корзину, приладили к ней шарниры и пустили в дело. Стогометатель подает охапки сухой травы, двое мужчин принимают сено, и постепенно стальная корзина образует стог. Устройство вроде бы простое, а труд заметно облегчился. И производительность возросла. Если раньше, чтобы завершить стог, требовалось три часа, то теперь его ставят минут за сорок пять...

— Нынче перед выездом на луга сократили бригады — ведь люди у нас самых разных строительных профессий, и каждый работник городу нужен... Но и сена заготовить надо больше, чем в прошлом году,— рассказал Владимир Данилович.— Надеялись мы не только на энтузиазм и чувство долга. Велика сила точного расчета. Переделали волокуши — раньше они были неудобны в работе, часто выходили из строя. Сделали тракторные валковые грабли. Еще зимой удобрили закрепленные за нашей бригадой угодья, сами вывезли на луга десятки тонн минеральных удобрений. И вот оставшиеся в бригаде десять человек всего за пятнадцать дней уложили в стога семьсот тридцать тонн сена.

В Хабаровском крае в этом году заготовлено более двухсот пятидесяти тысяч тонн сена, план здесь перевыполнен. Что же способствовало трудовой победе? Заведующий сельхозотделом крайкома партии Александр Феофанович Шевченко рассказал, что помогли постоянные бригады кормозаготовителей, в которых вместе работают шефы и механизаторы хозяйств. В таких единых бригадах и форма оплаты труда единая: за тонны заготовленного сена. Инициатором совместных бригад стал коллектив Хабаровского судоремонтно-судостроительного завода. Корабелы шефствуют над Черняевским совхозом района имени Лазо. Бывало, по триста человек отрывал сенокос от станков! При новой организации труда и оплаты завод посылает добровольцев, знающих село. Только добровольцев — и не более сорока человек. В этот коллектив вливаются совхозные механизаторы — не более десяти человек. Бригаде, технически хорошо вооруженной, выделяют сенокосные угодья, ответственность за которые несут как совхоз, так и завод в равной степени. По новому принципу в крае нынче были созданы семьсот бригад, а работали в них девять тысяч человек, то есть в пять раз меньше, чем в прошлые годы. Да и сенокос, подлинный праздник труда, в этом году длился всего три недели, а не три месяца, как уже давно привыкли в крае.

В Хабаровском крае родился эффективный метод шефской помощи селу, который заслуживает внимания других областей и краев. И не только Дальнего Востока.

В. КУЗНЕЦОВ,
собкор «Огонька»

Хабаровск.

«ОГОНЕК» НА БАМе

Представители бригад-победительниц.

Фото автора

По уже сложившейся традиции праздник бригадного подряда и на этот раз провели в бамовской столице — Тынде. Уютный клуб «Олимпийский», как и в прошлые годы, украсился транспарантами, плакатами и лозунгами. И вот зал заполнили строители магистрали века — люди, трудом которых прижился на стройке самый прогрессивный метод, рожденный много лет назад далеко от БАМа — в подмосковном Зеленограде. За годы сооружения Байкало-Амурской магистрали бригадный подряд получил здесь широкое распространение. Только в минувшем пятилетии по Главбамстрою этим методом выполнены работы на сумму в сотни миллионов рублей. На протяжении всей десятой пятилетки бригадный подряд ежегодно заключали более двухсот строительных бригад.

Сегодня каждый бамовский трест имеет целые подразделения (строительно-монтажные поезда, механизированные колонны), коллективы которых выполняют весь строймонтаж методом подряда. Такое глубокое внедрение хозрасчета на всех уровнях строительства магистрали заметно сказывается на росте производственных объемов, на эффективности работ. Это основные условия успешного выполнения планов и обязательств одиннадцатой пятилетки, а ведь именно за эти годы предстоит соединить в единую железную дорогу отдельные участки строящегося БАМа. Произойдет это на западном участке в 1984 году.

...Открывая праздник труда, ведущий предоставил слово заместителю начальника Главбамстроя А. Н. Гудкову. Он сказал, что за призы «Огонька» в прошлом году боролись 344 подрядные бригады строителей. И боролись с таким огоньком, что на финише конкурса оказалось сразу несколько коллективов с высокими, почти одинаковыми показателями. Только после тщательного обсуждения комиссия определила победителей. Первые места присуждены бригадам Н. Г. Родионова на центральном участке и А. И. Курочкина на западном участке магистрали.

Коллектив, возглавляемый Николаем Григорьевичем Родионовым, из СМП-573 треста «Тындатрансстрой», балластировал железнодорожные пути на перегоне Тында — Кувыкта — Кутыкан. Годовой план бригада завершила за десять месяцев. Средняя выработка в день составила более 12 метров при норме 7,2 метра. А ребята из бригады Анатолия Ивановича Курочкина живут и работают в Северобайкальске. Бригада из СМП-575 треста «Нижнеангарсктрансстрой» строит этот новый город на берегу Байкала.

Специальные корреспонденты «Огонька» В. А. Кузнецов и А. Д. Щербаков вручили победителям кубки журнала. Вымпелы за вторые места были вручены на центральном участке мостовикам В. В. Муравейникова из мостоотряда № 54. На западном участке второе место завоевала бригада В. Н. Егорова из мостоотряда № 53. Призы за третьи места получили коллективы, возглавляемые А. Ф. Кузнецовым и Л. В. Знахуренко.

В. АФАНАСЬЕВ

ТРУДНЫЙ ХЛЕБ

Николай КУЗЬМИН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

I

Начиная знакомиться с районом, Геннадий Иванович Ивакин, новый секретарь Полянского райкома, прежде всего направился в «Прогресс». Такого человека, как председатель знаменитого колхоза, он перенимал из рук в руки с благоговением, словно старое, заслуженное знамя района. Ведь по таким, как Мшаров, судили и будут судить о работе райкома.

В деревню Князево, где находилась центральная усадьба «Прогресса», от райцентра вела благоустроенная, хорошо укатанная дорога. Заведующий райсельхозотделом Бариков, наклоняясь с заднего сиденья, рассказывал, с какими трудностями пришлось столкнуться в нынешнем году. Сначала подвела весна. Мало того, что припозднилась, вдобавок задушила беспрерывными дождями. Над залитыми полями даже чайки появились. Отсеяться удалось с грехом пополам. Правда очень вовремя прошли теплые легкие дожди и сделали свое дело — зерновые быстро пошли в рост, но вдруг завернула жара и неналившийся колос начал усыхать. А тут еще полосами пронеслись по району ливни с градом, смерчи, хлеб полег, сформировался в два яруса, убирать такой будет тяжело. Из-за весенней непогоды сроки уборки оказались сдвинутыми недели на две, поэтому обком партии принял постановление, обратив особое внимание на борьбу с потерями. Убрать весь урожай планировалось самое большее за месяц, до начала затяжных предзимних дождей.

Ивакин сидел рядом с шофером, слегка поворотившись к Барикову. Пиджак нараспашку, ворот рубашки расстегнут, на лице темные очки. Рука лежала на спинке сиденья.

— Я посмотрел вчерашнюю сводку из «Прогресса»,— сказал он.— Берут как будто хорошо.

— «Прогрессу» досталось меньше,— заметил Бариков.— Ливни стороной прошли.

Дорога стояла сухая, за машиной до полнеба поднималась пыль. Сбоку на обе стороны открывались не слишком обширные поля, кое-где они поднимались на увалы.

В двух местах Ивакин попросил остановиться. Перед ним лежали нивы, обезображенные ливнями. Хлеб был полеглый, перекрученный. В эту пору заканчивалась последняя стадия формирования урожая. Геннадий Иванович сосчитал количество колосков в полосе, вылущил зерно в ладонь.

Село Ивакин знал хорошо: родился, вырос в деревне, до учебы в партийной школе работал секретарем сельского райкома комсомола. Окончание им партшколы совпало с началом осуществления большой программы подъема центральных областей древнего русского Нечерноземья, самой сердцевины России.

Еще в городе, в обкоме партии, он обратил внимание, что рядом с фамилией Мшарова так или иначе называли Сафонова, председателя соседнего колхоза «Красный пахарь».

Никудышный колхозишко был «Красный пахарь», извечный позор Полянского района. Председатели там долго не засиживались. Нынешний, Сафонов, был по счету двадцать седьмым или двадцать восьмым. До колхоза Сафонов работал в городе, в научно-исследовательском институте, писал диссертацию. Что его толкнуло поехать председателем, да еще в отсталый колхоз, никто не мог взять в толк. Со своими городскими привычками Сафонов скоро приобрел в районе самую скандальную славу. Он, например, установил для себя восьмичасовой рабочий день, и, заявись вечером в колхоз хоть сам секретарь райкома, Сафонов к нему уже не выйдет. Дня не проходило, чтобы в районе не узнали о новых сафоновских причудах. Начал он с того, что разогнал все колхозное начальство, оставил человек семь. Потом объявил борьбу с расточительством и не придумал ничего лучше, как убрать ночных сторожей (тащи, выходит, кому не лень!). А первые же деньги, которые ему удалось выбить в банке, он всадил не в хозяйство, а в ремонт клуба, стал показывать кино, постановил бесплатно пользоваться электросветом, радио, раза два или три привозил из города бригаду артистов. В районе только диву давались: словно нарочно все с ног на голову ставит. Такого чудака еще не видывали!.. Понятно, что со всей районной властью Сафонов вскоре оказался на ножах. Однако вот что странно: у Сафонова уже пять или шесть выговоров, а с председателей его не снимают. Да и сам он почему-то до сих пор держится за свой нищий колхоз. Казалось бы, человек городской, за спиной налаженная жизнь, плюнь на все, вернись в город и живи себе, не тужи. А не уезжает!

Начались постройки «Прогресса». Геннадий Иванович попросил ехать потише. Сзади над плечом ворковал тенорком Бариков:

— Обратите внимание... во-он, налево. Теплица. Первая в области. В «Правду» сообщение давали. Я вам потом вырезку покажу.

Бариков предлагал взглянуть на Дворец культуры, мимо которого проезжали, на больницу, школу и даже «Ателье мод». В «Прогрессе» было что посмотреть.

Мшарова нашли на хозяйственном дворе. Федор Иванович узнал белую райкомовскую «Волгу». Уважительно, но не теряя достоинства, направился к гостям: кряжистый, осанистый, в добротном кителе.

Приезд любого начальства не был Мшарову в диковину. Принимал он у себя многих. Одно время секретарь обкома сперва к нему, в «Прогресс», заезжал, а уж потом только в райком. Федор Иванович был местный, родился здесь и вырос, в начале тридцатых ставил тут первые колхозы, был в то время грозой для кулаков. В те беспокойные годы жизнь его несколько раз висела на волоске,— спасся чудом. В «Прогрессе» он был бессменным председателем с самого первого дня.

За долгую свою жизнь Федор Иванович повидал во главе района многих. Иногда, просматривая свежие газеты, он наталкивался на знакомую фамилию и с удовлетворением хмыкал: «Наш. Ишь ты, куда взлетел!» Со своей стороны, эти люди тоже помнили Мшарова и, если случались встречи где-нибудь на совещании, первыми подходили поздороваться с заслуженным председателем, уважительно расспрашивали о здоровье и делах. Авторитет Мшарова укреплялся год от года, по своим заслугам он почитался как живая история района. Прямые грубоватые суждения Мшарова передавались как анекдоты, при случае он мог ляпнуть что угодно даже «самому». Районное начальство его побаивалось.

Бариков откровенно лебезил:

— К тебе первому приехали, Федор Иваныч. Оцени! Все остальные — потом.

Словно не замечая его, Мшаров внимательно разглядывал главного гостя. Новый секретарь райкома поразил его молодостью. Ого, какие зеленые в рост пошли! И — темные очки. Негоже быть руководителю таким стилягой, несолидно, не студент же... Но не очки главное. Лицо Ивакина ему понравилось. Такие открытые, простые лица бывают у доверчивых, прямых людей, которые не таскают камня за пазухой. Работать с такими легко.

Сели в белую «Волгу», Мшаров поздоровался с давным-давно знакомым райкомовским шофером и приказал: «Ко мне». Дорогу тот знал.

В «Прогрессе» новый секретарь райкома пробыл целый день. Уезжал вечером, налазившись по хозяйственным дворам и постройкам и вдоволь всего насмотревшись.

В доме Мшарова ему понравилось. Пианино, книжные шкафы, письменный стол. Все по-современному просто, красиво. Только над письменным столом в кабинете как бы уголок давней истории, былого: портрет молодого Мшарова, с крутым поворотом головы в буденовке, ниже — шашка в ободранных ножнах и в затертой кобуре наган. Здесь хранилась память о пороховой молодости хозяина, о далеких отгремевших годах.

В столовой, стеснительно прохаживаясь у накрытого стола, Геннадий Иванович обратил внимание на висевший в простенке большой портрет: точь-в-точь молодой Мшаров, только одет современно — в пиджаке и галстуке. Чуть не спросил хозяина, на минутку исчезнувшего по зову жены на кухню. Хорошо, Бариков предупредил: сын, погиб на фронте. Не стоило любопытствовать, бередить родительские раны.

Первую рюмку Федор Иванович поднял торжественно.

— Ну, молодой человек,— с чувством произнес он,— всего вам: и удач, и счастья, и большого полета. У нас, я скажу, люди быстро растут. Крылья расправить есть где.

— Да и есть с кем!— ввернул Бариков, преданно глядя на Мшарова.

— Ты погоди,— махнул на него Мшаров,— помолчи, когда старшие говорят.

В шутливом ужасе Бариков прикрыл ладонью губы: дескать, молчу, молчу, не буду больше!

— Что ж хочу сказать, Иваныч? Ты уж извини, что я так к тебе... в сыновья годишься. А, может, выпьем? Нет? Ну, сам смотри, не неволю. Про Нечерноземье наше у меня душа болит. Вот пишут, говорят: возрождать, возрождать. А чего возрождать-то? Разве мы когда-нибудь плавали глубоко? Я-то помню, когда мы еще по три центнера всего с гектара брали!

Ивакин кивнул.

— Правильно, Федор Иваныч. Не старое возрождать, а поднимать нам надо Нечерноземье. Но только на новый уровень!

— Вот в этом-то и забота, Иваныч. А мы свое дело знаем. За нас не беспокойся, не подведем...

Ивакин в какой-то момент перевел разговор на мшаровских соседей, на Сафонова. За сто-

Отрывок из романа «Приговор».

А. Лозенко, род. 1947. А. Махотин, род. 1945, Л. Петрушин, Род. 1946. СОЗИДАНИЕ. 1972.

М. Омбыш-Кузнецов. Род. 1947. ВЕРХОВЫЕ. 1980.

лом сейчас, в непринужденной обстановке, можно было узнать о городском агрономе очень много.

Первое же упоминание о председателе «Красного пахаря» заставило Барикова с Мшаровым переглянуться.

— Американец!— бухнул Мшаров и, сдерживая гнев, приспустил веки.— Сказал бы я, да за столом неловко. Ловкач. Молодой, да ранний... Попомни мое слово, Иваныч: он нам тут еще наколбасит, если ему укорот не сделать.

Федор Иванович называл сафоновские затеи причудами городского человека, совсем не знающего деревни. Для колхоза такой, с позволения сказать, специалист, как Сафонов, самый что ни на есть неподходящий человек. Выскочил он на село, несомненно, под влиянием минутного настроения. Бывает, знаете ли, такое: призывы, шум, газета. Подняло! Вот похудожничает еще немного, натешится досыта и уберется назад в город. А что ему? Не местный, отступить есть куда.

Бариков следил за настроением начальства и на собственные оценки скупился, но стоило Мшарову отпустить острое, злое слово, он с готовностью отзывался смехом. Отношение у обоих к молодому председателю было явно одинаковым.

— Ученый!— ехидно ввернул Мшаров.— Словечки у него на всякий случай разные. Меня он как-то окрестил... никто и слова-то такого не слыхал. Постойте-ка, я сейчас поищу. У меня где-то записано.

Он поднялся и стал рыться в ящиках комода.

— Ага, вот!— обрадовался Мшаров и, сильно щурясь, отнес подальше от глаз лист бумаги.— «Волюнтарист».

Скрыть улыбку Ивакину стоило труда.

— Ну?— спросил Мшаров.— Про что это он?

— Вы, наверное, с ним спорили о чем-то?— высказал догадку Ивакин.

— Было дело.

— Не о методах руководства?

Разглядывая нарисованное на бумажке слово, Федор Иванович вспоминал.

— Да вроде и об руководстве было.

— Об этом, об этом,— подтвердил Бариков.— Ему, видите ли, уже вышестоящие органы мешают! Партизан, махновец. Неуправляемый человек.

Насчет неуправляемости молодого председателя «Красного пахаря» Ивакину говорили и в обкоме.

— Но хозяйство-то все-таки поднимается!— заметил Ивакин.

Бариков скривился:

— Тоже ведь, если честно-то сказать, на грани уголовщины... Он тут у нас на свиньях помешался. Хотя опыт передовых наших хозяйств показал, что свиньи у нас нерентабельны. Уж на что Мшаров, а и тот попробовал и — нет, не надо. Так Сафонову хоть кол на голове! Ну, дело в конце концов его,— инициатива же снизу. Но сразу вопрос: а чем кормить? И узнает он вдруг, что на заводе у нас, на консервном, отходы пропадают. Гниль, давленые помидоры, огурцы... Это у них в порядке вещей. Он к директору, тот добрая душа — бери, не жалко. Так что, вы думаете, Сафонов сделал? Повез на ферму эти помидоры? Ничего подобного. Он их прямым ходом на базар и — втридорога. Ну, чем не спекулянт? Да самой чистой марки!

Геннадий Иванович размышлял: «Современный молодой специалист, научный работник, почти кандидат наук — и вдруг словно жадная базарная баба! Неужели базар-батюшка, длинный рубль?»

— А если бы вы знали, что он недавно отмочил. Представляете, придумал отстранять от работы на пятнадцать суток. И кого? Лодырей.

Ивакин нахмурился.

— Лодырей? От работы?

— Да, да!— все больше расходился Бариков.— Я тоже сначала не поверил. Но нет, все правильно. А мы собираемся провести уборку за три недели. С такими проведешь!

Удивленный Ивакин долго покачивал головой. «Что в самом деле за чудак?»

Мшаров гневно застучал пальцем по столу.

— Счастье Американца, что теперь не ранешнее время. Раньше бы ему за такие за дела... ого! А сейчас что? Ну выговор, ну еще один. Да их у него уже, как у собаки репьев!

Насчет прежнего времени Мшаров помянул напрасно. Ивакин, родившийся в деревне, к перегибам прошлых лет относился непримиримо. Многие беды Нечерноземья он объяснял как раз тем, что так дорого сердцу Мшарова: волевым руководством.

— Вы хотите сказать, Федор Иванович, что раньше было больше страху? Боялись?

— А что?— уперся Мшаров.— И боялись. Или вы теперь считаете, что и бояться не следует? Еще как надо бояться! А то ведь до чего дожили. Ну разве это порядок: ему выговор дают, а у него все зубы до ушей. Смеется! Что же это делается? До чего мы дошли? Да раньше... Бывало, вызовут тебя — сидишь ни живой ни мертвый. А уж если до выговора дойдет — все! Каюк! А нынче? Нет, товарищ секретарь, порядок все же должен быть. А иначе мы недалеко уйдем. Вот какое мое мнение.

Разговор Мшарова с гостем постепенно ожесточился, и Бариков подумывал, как бы половчей вмешаться. Иначе... Эта багровая краска на щеках, ворочанье шеей, словно стал тесным воротник, это официальное обращение: товарищ секретарь. О, в районе знали, как умеет Мшаров треснуть по столу своей единственной рукой!

На лице Ивакина выступил румянец смущения. Не так он представлял себе знакомство с самым знатным человеком области.

...А не кажется ли Федору Иванычу, что нынешние руководители колхозов... ну, не все, конечно!.. просто не готовы к свалившимся на них задачам, к трудностям роста, так сказать? Смешно же сравнивать: что требовалось раньше и что теперь. Масштабы-то какие, как выросли задачи. Естественно, что по масштабам и трудности.

Говорил Ивакин увлеченно, горячо, волнуясь, он почти искательно заглядывал в мрачные глаза сидевшего через стол хозяина. Напрасно. Лицо Мшарова превратилось в маску.

Этот молодой человек, казалось Мшарову, в трудной жизни прошлых поколений легкомысленно видит одни ошибки. Ну, может быть, и ошибались... кто не ошибается? Но вас бы в нашу шкуру! В нас вон стреляли, голову старались проломить... Что-нибудь похожее вы испытали? Сейчас чего не работать: что ни попросишь — пожалуйста. А тогда трактор в диковинку был, вся техника — телега, конь. Суперфосфату, помнится, достанешь, так мужики с лукошками построятся и горстями рассеивают, припудривают поле... Конечно, вперед надо глядеть. Кто спорит? Но не оглянуться, что было позади, забыть, какое было прошлое, оплевывать его, черт побери, он не согласен! Оплевывать прошлого Ивакин и не думал, но Мшаров, закипая, по своему обыкновению «брал с перебором».

Преодолеть тягостную минуту помог Бариков, деловито предложил начать осмотр хозяйства и побежал сказать, чтобы подавали машину...

2

Порядок, с чего начинать показ хозяйства, существовал у Мшарова давно. Однако Ивакин потребовал везти его в поле. Начавшаяся уборка, первый хлеб представлялись ему сейчас важнее всего.

Остановились на самом краю поля и долго смотрели, покачивая головами. Да, ливень похозяйничал! Впечатление было такое, будто по полю прошелся каток. Спелые колосья почти лежали на земле.

Ивакин сорвал несколько колосьев, обмял их и задумчиво пересыпал зерна с ладони на ладонь. Солнце отвесно поливало головы и плечи. Федор Иванович стал рассказывать, что жатки нынче пришлось регулировать на самый низкий срез и косить в одну сторону — против полегания.

— Жатки!— хмыкнул Бариков.— Комбайны, комбайны выгоняй, Федор Иваныч. Где ты их прячешь?

Отвечал Мшаров не ему, а Ивакину. Комбайны в «Прогрессе» нынче ведут уборку только напрямую, для косьбы в валки пущены жатки.

Бариков не унимался,

— Выходит, Федор Иваныч, плохо читал решение обкома партии. Или совсем не читал. Всю технику надо пустить на свал.

Мшаров смерил его презрительным взглядом.

— Умник! Пущу я их на свал... а сколько времени потом придется потерять, пока переоборудуешь на молотьбу?

— Подумаешь, три дня!

— Для тебя подумаешь, а для меня три дня — много!— отрезал Мшаров.— И вообще, знаешь... помолчи. При расчете будем говорить. Сейчас чего зря языком трепать?

Бариков приставил козырьком к глазам ладонь и всмотрелся в дальний угол поля, там, в самом конце загонки, стоял в бездействии комбайн. Ивакин с Мшаровым замолчали. Комбайн выглядел покинутым, рядом ни души. В ярком свете солнечного дня двумя тусклыми пятнышками горели фары — сигнал бедствия.

— Надо подойти,— предложил Ивакин.

Вперед, раздирая ногами спутанные стебли, пошел Мшаров.

— Федор Иванович,— позвал Ивакин,— не боитесь, осыпания не будет?

Не оборачиваясь, Мшаров ответил:

— Если что... врукопашную возьму. Весь народ подниму!

— У вас техники достаточно,— заметил Ивакин.

Подождав, пока он поравняется, Федор Иванович выразительно вздохнул и стал жаловаться на вечную районную беду — на плохую работу «Сельхозтехники».

— Сам посуди, Иваныч: сделают ремонт — хоть заново перебирай. Только я забрал у них комбайн, а муфта сцепления уже заедает, электрооборудование вообще ни к черту. «Да дайте вы мне,— говорю,— запчасти, я сам все сделаю». «Нельзя. Не положено». Поднажал я тогда, и договорились мы с ними так: дают они мне все-таки запчасти, а я им оплачиваю и за них и за ремонт. Черт с ними, все равно выгодней, чем по два раза ремонтировать!

До стоявшего комбайна оставалось совсем немного. Мшаров с силой произнес:

— Вот в чем наша главная беда, Иваныч: народу нет и запчастей нет. А то бы мы...

Из-под комбайна доносилось металлическое звяканье: там, распластавшись на земле, орудовали комбайнер с помощником. Ивакин присел и заглянул.

— Что у вас, ребята?

Рядом опустился на корточки Мшаров.

— Да что...— И комбайнер пустил бешеное замысловатое ругательство. Ивакин усмехнулся и покрутил головой: крепко!

— Эй, эй!— предостерегающе окликнул Барикова.

Высунулась невыразимо чумазая физиономия. Комбайнер узнал Мшарова, увидел посторонних. Он так и остался лежать на спине. Щурясь от солнца, бившего в глаза, он сердито заявил, что вот уже, наверное, десятый раз заклинивает барабан.

Мшаров поднялся с корточек, потер рукой усталую спину. Вечная история!

— Поговорил бы ты где следует, Иваныч,— попросил он.— Это же мука мученическая, а не комбайн.

Ивакин удивился и невольно оглядел комбайн. Машина стояла новенькая, в свежей краске. От Барикова не укрылось удивление секретаря райкома.

— Что-то ты, Федор Иванович... прямо как диссидент какой!— ехидно заметил он.— Все-то тебе не по нраву. С Сафонова пример берешь? Соседи, глянь, работают и только радуются. А ты? Капризы выставляешь, Федор Иванович... прямо как девка красная!

Задержав грудь на полувдохе, Мшаров смотрел на него и наливался бурой краской.

— Нет, это надо!— воскликнул он и хлопнул себя по боку здоровой рукой.— Да дурья ты голова... да ты знаешь, почему они у них все работают? Да потому, что урожай не выше

двадцати! А как за двадцать центнеров — они ревмя ревут. Вот он лежит,— мотнул головой на комбайнера,— спроси.

Действительно, виной бесконечных поломок комбайна оказывался, как с удивлением узнал Ивакин, хороший урожай. Комбайнер подтвердил: чуть выше двадцати центнеров, и комбайн не справляется.

На дороге показалась «летучка» техпомощи. Мшаров сказал комбайнеру: «Ну вот, дождался» — и повел гостей на соседнее поле.

— Вообще, Иваныч,— рассуждал он, глядя себе под ноги,— что-то мне маленько непонятна эта самая связь с рабочим классом. Почему она у нас такая однобокая? Нашего брата городские здорово ругают. Того нет, другого нет. А нам они все дают? Получил я новую «Ниву», а соломоизмельчателя нету, прицепа нету. «Колос» пришел — без жатки. Куда у них глаза смотрят? Нельзя, что ли, директора завода за мягкое место взять?

— Запишите,— попросил Ивакин, обернувшись к Барикову. Заведующий достал из кармана авторучку.

— Такой у нас хлеб нынче трудный!— продолжал Мшаров.— Помоги как следует — сколько я золота не дам увезти из страны! Так нет же...

Они ушли вперед. Бариков, пристроив папку на колено, лихорадочно писал. Потом он кинулся догонять и догнал их на соседнем поле, за лесной полосой. Здесь картина была еще безрадостней. Ивакин страдальчески сморщился, словно от боли. Мшарову стало его жалко.

— Так уж нас господь бог расположил на глобусе,— утешил он.— Редкий год обойдется. Обязательно погода чего-нибудь да выкинет!

Пересекая несжатое поле, они пошли к работавшему вдалеке комбайну. Оттуда их скоро заметили и заглушили мотор.

Возле комбайна Бариков оживился и голосисто, петушком, поздоровался, стал каламбурить, обошел всех, пожал руки. Он запанибрата разговаривал с пожилым лысым комбайнером, называя его Егорычем. «Профессор»,— представил он Егорыча Ивакину.

О первых намолотах комбайнер отозвался сдержанно. Он посматривал на Мшарова, уступая ему самому отвечать начальству. Геннадий Иванович на глаз прикинул делянку скошенного хлеба и полез заглянуть в бункер. Он полной горстью зачерпнул зерно и, поднимая руку, ссыпал его обратно. Золото! Венец годовых усилий...

С проселка, поднимая пыль и переваливаясь на кочках, к комбайну пробирался автопоезд— грузовик с двумя прицепами.

— Погода погодой, а хлеб есть— заявил довольный Ивакин, спрыгивая на землю.

— Вы-ырвем! — уверенно отозвался Мшаров.— В долгу не останемся!

На душе Ивакина потеплело.

— Ну вот,— задорно высказался он,— а жалуются: весна! А здесь что: другое небо?

Федор Иванович лукаво рассмеялся и погрозил ему пальцем.

— Ты думаешь, Иваныч, я не знаю, что тебе обо мне плетут? Все знаю. Но ты их слушать-то слушай, а сам не забывай, что в нашем деле надо характер иметь военный. Тут же, как на войне,— обстановка десять раз на дню меняется. А обстановку упустил — все, каюк! Вот и теперь... Ты зиму ждать заставишь? Нет. И я не заставлю. И даже он,— ткнул в Барикова.— Она на нас и ухом не поведет!.. Съездите потом, гляньте у Кандыбы: зелень еще стоит. Да и у Американца... А снег свалится, что они снова запоют? Вся надежда на государство.

Мшаров засунул палец за ворот кителя и завертел головой. Его душил гнев.

Молчавший Бариков решился возразить хозяину:

— Ты, Федор Иванович, тут немножечко... того... уж извини. Это же наше достижение, наша заслуга, что любой неурожай государство принимает на свой счет, так сказать, гарантирует народ от голода. Этим гордиться надо, спасибо за это говорить. А ты?

Он искоса посматривал на Ивакина: так ли высказался?

Мшарова словно ударили, он с возмущением во все глаза уставился на говоруна.

— Ишь ты, ловкий какой, я погляжу! За чужой счет легко гордиться. Догордимся, что скоро и молоко из-за границы будем привозить!

Громыхая бортами, подошел порожний автопоезд, и Мшаров повез гостей на ферму.

Своей фермой Мшаров гордился, а заведующего Якова Полухина называл молочным богом. Яков вел дело умно, грамотно, на взгляд Федора Ивановича, даже излишне грамотно, часто донимая его вычитанными в журналах новшествами. Мшаров нового в общем-то не сторонился, но и рушить старое не торопился.

Показывать гостям ферму Мшаров предоставил заведующему. Ивакин час от часу веселел. Такие бы фермы каждому колхозу!

— У вас двухсменка? — спросил Ивакин заведующего фермой.

— Да ну!— Полухин слегка смутился.— Еще не можем. Разве на будущий год.

«Выходит, и в «Прогрессе» доярок не хватает». Геннадий Иванович отпил парного молока и посмотрел стакан на свет. Стенки стакана остались белыми. Густое молоко!

Яков обернулся к коровнику и крикнул:

— Аннушка, а ну-ка покажи нам Зорьку!

Среди собравшихся порхнули улыбки, Бариков и Мшаров переглянулись. Аннушка была со своей рекордсменкой Зорькой постоянной участницей областных сельскохозяйственных выставок. Яков удачно выбрал минуту показать товар лицом.

Из ворот коровника величаво выступила обремененная тяжелым выменем Зорька. Действительно, загляденье!

Восхищенный, Ивакин обошел вокруг коровы.

— Интересно, какой же удой?

— Шесть тысяч,— ответил Яков.

Лицо Ивакина вытянулось.

— И это вы считаете рекордом?

Но сбить Полухина было не просто. Он согласился, что да, шестью тысячами литров сейчас удивить трудно. Однако что ценно в местной породе? Удивительная отзывчивость на корма и высокое содержание белка и жира в молоке. У Зорьки жирность достигает почти пяти процентов. Это значит, в перерасчете на базисную жирность ее удой следует увеличить чуть ли не вдвое. А таким показателем не стыдно похвалиться.

Федор Иванович слушал своего заведующего фермой, и сердце его пело. Не уронил Яков марки «Прогресса». У самого Мшарова до чтения не доходили руки. Правда, выписывалось в доме много, кое-что ему подкладывала Ольга Матвеевна. Иногда он листал, пробовал прочитывать, вникать, но быстро уставал и стягивал очки. Поздно ему учиться, ушли годы... Но если самому ему не довелось как следует посидеть за партой, зато люди-то у него... кадры-то!

Мшаров заметил смущавшуюся Аннушку, поманил поближе, велел подойти тетке Матрене и Надежде.

— Наша династия,— представил он всех трех Ивакину.— На них держимся.

Доярки чувствовали себя неловко, стремились поскорее уйти, и их отпустили.

На хозяйственном дворе Геннадий Иванович вступил в долгий разговор с шоферами, затем заглянул в кузов каждой автомашины, проверяя, хорошо ли подготовлены к перевозкам зерна. В одном месте сунул палец в небрежно заделанную щель. «Ну, дошлый!» — думал Федор Иванович.

На Барикова жалко было смотреть. Сомлевший, он водил по распаренному лицу скомканным платочком. Раз или два он страдальчески в поисках сочувствия взглядывал на Мшарова.

Наконец осталась теплица — ее Федор Иванович всегда оставлял «на закуску». После этого простились.

Первые минуты обратной дороги Ивакин молчал, умащивался поудобнее в машине и размышлял о председателе «Прогресса». Все-таки не отнимешь — колоритный человек. Правда, тихие слова, слабый голос Мшаров не уважал. Но хозяин выдающийся. В самые тяжелые времена он не дал согнуть шею своему колхозу. Как это ему удалось — можно лишь догадываться. Видимо, приходилось всякое — и правдами и неправдами. Но Ивакин был уверен, что «Прогресс» смог держаться только благодаря незаурядности своего председателя. В сложную минуту, как, например, нынешней весной, такой, как Мшаров, не побоится взять всю ответственность на себя и без колебаний примет любое смелое решение. У таких, как Мшаров, ни государство, ни колхозники без хлеба не останутся... Ивакин уловил своеобразную гордость колхозников «Прогресса» своим председателем. Они сознавали, что живут не в пример остальным. Почитание Мшарова было всеобщим. Одно беспокоило Ивакина: уж слишком прочно стоял Федор Иванович в прошлом (славном своем прошлом!) и непомерно гордился настоящим. А, хочешь не хочешь, это тянет назад в ущерб будущему. Геннадий же Иванович во всех своих планах на новой работе жил только будущим. После партийных постановлений перед Нечерноземьем открылись такие дали, обозреть которые можно было лишь необыкновенно дерзким взглядом. Жаль будет, если Мшаров для этого окажется постаревшим.

Ивакин повернулся к молчком сидевшему сзади Барикову.

— Павел Иванович, а вам не показалось, что Мшаров занижает урожайность? Я же глянул в бункер. Какие двадцать пять центнеров? Худо-бедно — тридцать!

С хитроватым видом заведующий почесал пальцем висок.

— А вы его слушайте одним ухом,— посоветовал он.— Это ж Федор Иванович!

Председателя «Прогресса» Бариков знал давным-давно. Он не помнил случая, чтобы Мшаров не занизил первых намолотов. Не спешит Федор Иванович хвастаться реальной урожайностью, кое-что придерживает в запас, на всякий случай. Эти запасные центнеры намолоченного хлеба Бариков называл «подкожными», или «заначкой». Мало ли что может случиться! Осенью при окончательном расчете Федор Иванович выложит все, а пока считает выгоднее придержать.

— Так,— посображал Ивакин,— выходит: что не доберет в октябре, то возьмет в сентябре?

Бариков с улыбкой подтвердил. Именно!

— Вы думаете, я ему зря на комбайны указал? О, он у нас хитрый! Уж кто-кто, а я-то его знаю.

— Но три дня... действительно потеря! — возразил Ивакин.

В ответ заведующий сладко зажмурился, замотал щеками, от его глаз разбежались лукавые морщинки. Нежелание председателя «Прогресса» пускать комбайны на свал объяснялось отнюдь не боязнью потерять эти несчастные три дня. Что Мшарову три дня! Опасался он совсем другого. Воодушевляясь, Бариков принялся растолковывать. Покуда хлеб стоит на корню, он вроде бы еще ничей. Случись с ним беда, потрава, огонь, снег, можно составить акт, покрыть грех бумагой. Но, скошенный в валки, он уже попадает в сводку, следовательно, висит на шее председателя. За все, что теперь случится с хлебом, председатель отвечает головой — в случае чего придется объясняться с прокурором.

Ивакин надолго задумался.

— Но осыпается же!— заметил он.

Заведующий возразил, что урожай считается в бункере, а не на корню.

— И Федор Иванович на это идет?— изумился Ивакин. Не укладывалось в голове, что знаменитый Мшаров, маяк области, с такой легкостью соглашался с неизбежными потерями.

Вместо ответа Бариков поднял плечи и изобразил на лице нестерпимые муки кающегося. Святых, мол, в жизни нет, грешит каждый, в том числе и прославленный Мшаров. И вообще, о, если как следует покопаться... многое найдешь!

Ивакин, мрачный, замолчал и отвернулся. В его глазах ореол знаменитого председателя подернулся первой тучкой. Передовик, маяк никак не ладился с обманом, даже самым незначительным.

Окончание следует.

Из нашей юности

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. ГОРДЕЕВА

С юношеских лет помню это звонкое имя — Семен Гордеев и стихи этого самобытного поэта.

Житель самой бедной окраины Киева — Предмостной слободки, он знал рабочий люд. И он стал его певцом. Первые искры влетели в строки поэта из соседней кузницы. Это был 1917 год. Дальше была армия. А за армией — славный бастион киевского пролетариата — «Арсенал», колыбель поэта. Он был кадровым арсенальцем в пору, когда я только-только пришел на завод. Его здесь любили. И мне вскоре он полюбился.

Первые стихи появились в печати в 1920 году. Сотрудничал в газете «Киевский пролетарий», был редактором газеты завода «Большевик», был на партийной и государственной работе. Всегда и везде оставался поэтом.

Первая книга «Стихи» вышла в 1932 году, полвека назад. С тех пор Семен Гордеев выпустил свыше двадцати книг. Много переводил (Шевченко, Франко, Тычина, Сосюра, Малышко). Всегда выступал перед слушателями, особенно в рабочих аудиториях.

Доброволец Отечественной войны, прошедший по ее дорогам вплоть до Дня Победы, батальонный комиссар, а затем гвардии майор, Семен Гордеев хорошо известен солдатам. Его стихи — голос солдатского сердца.

Для меня Семен Гордеев всегда старший, правофланговый, верный наставник и друг. Подрагивающие отсветы окон кузнечного цеха — на всех книгах поэта, на его судьбе. Знают Гордеева не только на Украине. Его книги выходили в Москве, стихи звучали по всесоюзному радио, достигая самых отдаленных уголков Отечества.

Помнится он мне всегда страстными, точными, мелодичными, зоркими, яркими стихами — о работе, о любви, «о времени и о себе», о настоящем и будущем. Семену Гордееву восемьдесят? Нет, четырежды по двадцать.

Лев ОЗЕРОВ

Семен ГОРДЕЕВ

ЧЕРЕПАНОВА ГОРА

Двадцатый год, осенняя пора,
Осыпалась листва, омытая
дождями;
Чернеет Черепанова гора,
Гремевшая весною соловьями.

Еще ютится на горе народ
В домах без крыш, как
в разоренных гнездах.
Двадцатый год, голодный год,
Гражданскою войной пропитан
воздух...

Я жил у этой Черепановой горы,
Вблизи подножья северного
склона,
Откуда дождевая во дворы
Вода всегда врывалась
разъяренно.

Но почему-то больше был
влюблен
Я в эту гору, чем в холмы
другие,
На чьих плечах с древнейших
ты времен
Величественный расположен, Киев.

Я выбрал не закованный в гранит
Путь на работу двухкилометровый
Чрез эту гору...
Веселей глядит
Она, чем в нашей юности суровой.

Наверно, полюбившийся мне путь,
Которым шел я, стал тому виною,
Что там впервые постучалась
в грудь
Поэзия взволнованной строкою.

На боевое задание.

Полеты прошли благополучно.

15 АВГУСТА — ДЕНЬ ВОЗДУШНОГО ФЛОТА СССР

Б. СОПЕЛЬНЯК
Фото А. НАГРАЛЬЯНА,
специальные корреспонденты «Огонька»

Самолет горел... Полыхали крылья, хвост, огонь все ближе к бакам. Рули почти не работали. На приборный щиток хлестало масло. Через мгновение оно вспыхнуло, и летчик понял: машину не посадить. Парашют?.. Еще не поздно, но внизу... внизу немцы. Много немцев — целая танковая колонна.

Стояло яркое, солнечное утро 4 сентября 1942 года. На несколько секунд оно стало еще ярче: командир первой эскадрильи капитан В. А. Ширяев бросил свой ИЛ на колонну. Взрыв был страшный! Горели танки, полыхали самоходки, плавились грузовики с горючим. Почти ничего не осталось и от краснозвездного штурмовика.

Почти — это значит, хоть что-то да осталось. Через тридцать с лишним лет следопыты-школьники нашли остатки самолета. Теперь на этом месте обелиск, посвященный Герою Советского Союза В. А. Ширяеву. А в историческом формуляре авиационного полка мне удалось найти протокол партийного собрания, которое состоялось 15 августа 1942 года. Вот что сказал коммунист Ширяев за двадцать дней до своей героической гибели: «В минуту грозной опасности буду драться упорно и бесстрашно. Я не пожалею своей жизни, чтобы выполнить приказ Родины».

Пришел час, и коммунист Ширяев сдержал свое слово. Не только жизнью, но и смертью своей он призывал беспощадно бить врага. Летчики полка поклялись отомстить за своего товарища, открыв ширяевский счет. 78 уничтоженных танков, 400 автомашин, 1420 солдат и офицеров противника — таков вклад однополчан в этот счет и в нашу общую победу под Сталинградом.

Потом были Кубань, Новороссийск, Крым, Севастополь, Прибалтика... Когда подвели итоги, оказалось, что за три года войны совершено 2852 боевых вылета, уничтожено 359 танков, 647 орудий, 54 самолета, 2280 автомашин, около 8 тысяч солдат и офицеров. Вот что может сделать полк штурмовиков! Семь лучших летчиков стали Героями Советского Союза, а семнадцать экипажей участвовали в Параде Победы.

Историю своего полка нынешние молодые летчики знают наизусть и рассказывают о ней с гордостью. Эти знания — те корни, которые связывают их с героическим прошлым, по этим корням идут сигналы от тех, кто бросал горящие машины на вражеские колонны: пример героев-фронтовиков побуждает на героические поступки их сыновей и внуков.

— Мы возвращались с полигона,— рассказывает летчик-снайпер подполковник В. Г. Топорков.— Задачу выполнили отлично, настроение, естественно, отменное и вдруг... В авиации, как, впрочем, и в жизни, все бывает вдруг. У моего ведомого старшего лейтенанта Пантелеева создалась сложная полетная ситуация. Я понимал, что помочь могу только советом, но Пантелеев и сам принял единственно правильное и, кстати, очень грамотное решение. Короче говоря, из этой ситуации он вышел с честью. Вы спрашиваете, есть ли связь между подвигом Ширяева и мужественным поступком Пантелеева? Безусловно, есть! Я бы даже сказал, что одно вытекает из другого. Ширяев навечно зачислен в списки первой эскадрильи, а Пантелеев вырос в этой эскадрилье. Молодой летчик каждый день проходит мимо его койки, каждый день слышит его имя на поверках, каждый день видит его портрет у полкового мемориала павшим. Это, я убежден, бесследно не проходит...

— А как он, кстати, сейчас: жив-здоров?

— Конечно. Пантелеев по-прежнему мой ведомый, летаем все так же вместе, правда, сейчас он в отпуске, так что завтра буду работать без него. Если хотите посмотреть, приходите пораньше.

На аэродром мы приехали затемно. По часам, правда, давным-давно рассвело, но стоял такой плотный туман, что разобраться, где солнце, где небо, где самолеты, просто невозможно. Летчики тем не менее держались бодро, техники независимо покуривали, а синоптики, как боги, сидели на вышке и на все вопросы о погоде отвечали мудрено и снисходительно: циклон, мол, распространяет свое влияние на верхние слои атмосферы, в то время как антициклон, зародившийся в Северной Атлантике, продвигается довольно медленно и т. д. и т. п.

Но, на счастье, потянул ветерок. Туман начал закручиваться седыми космами, потом, как что-то живое, стал мотаться туда-сюда по аэродрому и, наконец, словно его и не было, исчез.

— Сейчас начнут летать! — обрадованно вскочили мы.

— Не сразу,— успокоили нас.— Сперва надо паркет привести в порядок.

— Какой еще паркет?

— Так мы шутя называем взлетно-посадочную полосу. Дело в том, что двигатели наших самолетов с такой силой засасывают воздух, что если в турбину попадет крошечный камешек, лопасти разнесет вдребезги. Вот мы и чистим ВПП, как паркет в бальном зале,—

ЛЮДИ БОЛЬШО

и пылесосом и веничком. По этой же причине, кстати, у техников и оружейников береты страхуются специальными веревочками, а на куртках — ни одной пуговицы.

Когда по рулежной дорожке, а потом и по взлетно-посадочной полосе поехали огромные грузовики с какими-то гигантскими установками, мы не сразу поняли, что это и есть пылесосы. Работали они довольно долго, буквально вылизывая бетон. Следом за ними шли солдаты с веничками. И уж только потом всю полосу придирчиво осмотрел офицер, отвечающий за состояние ВПП.

И вдруг взревели турбины! Весь полк опробовал двигатели. Гул стоял страшенный, будто разом извергалось несколько вулканов. За каждым самолетом — специальный отбойник, чтобы смягчить удар раскаленных газов. Но отбойник отбойником, а трава здесь растет заутюженной в одну сторону.

Рев стал еще сильнее: два самолета увеличили обороты и мягко покатились по рулежной дорожке. Остановка. Техники проверили рули, крылья, шасси... При выезде на ВПП еще одна остановка и еще одна проверка. И вот самолеты на старте. Покатились, покатились, потом — хрипло-протяжный взрыв, это летчики включили форсаж, мгновение — и две стремительные стрелы в воздухе.

— Это ушли разведчики погоды,— объяснили нам.— Синоптики, конечно, мудрецы, но не худо посмотреть своими глазами, что делается над полигоном.

Тем временем к вылету готовилась первая эскадрилья. Командир «Отличного звена» летчик первого класса Е. В. Клишин еще и еще раз уточнял задачу, сверял маршруты, объяснял, как при сегодняшнем ветре лучше заходить на бомбометание и ракетный залп. Истребитель-бомбардировщик может вести воздушный бой, может поражать и наземные цели. На учениях «Запад-81» я видел, что остается от этих наземных целей после налета. Не исключено, что те цели атаковал именно капитан Клишин: ведь после учений он был награжден медалью «За боевые заслуги». Получить эту медаль в мирное время очень и очень почетно.

И вот вернулись разведчики погоды... Полеты начались! Нет, что ни говорите, а когда от самой кромки ВПП смотришь, как мощно, уверенно и стремительно взмывают боевые машины — зрелище необычайное. Это не идет ни в какое сравнение с тем, что мы видим в гражданских аэропортах. Красота полета истребителя-бомбардировщика не только в скорости, но и в неправдоподобной легкости, яростности, если хотите, грозной целенаправленности.

А групповые полеты! Кто видел, как, почти касаясь крыльями, на сверхзвуковой скорости идет «четверка» или «десятка», и не просто идет, а абсолютно синхронно вычерчивает фигуры высшего пилотажа, тот навсегда полюбит и небо, и самолеты, и, само собой, летчиков.

Нет, недаром о летчиках сложено столько стихов и песен. Есть любимые строки и у летчиков полка, в котором мы побывали. Эти строки выбиты в граните на полковом мемориале.

Богатырей крылатых племя —
Воздушный флот страны моей,
Летайте, обгоняя время,
Все выше, дальше и быстрей!

Скоро в небо!

ГО ПОЛЕТА...

СЛУЖУ СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ!

Н. ТОЛЧЕНОВА,
заслуженный деятель искусств РСФСР

УДМУРТИЯ, РОДНИКОВЫЙ КРАЙ

Более семи тысяч родников насчитывается в Удмуртии. Они питают множество речушек и рек, отдающих воды свои красавице Каме. А уж Кама щедро несет их Волге, главной реке России.

Не правда ли: возникает вдруг здесь нечто иносказательное. Возникает живой образ органически тесных, чистосердечных, неизменно прочных связей удмуртского и русского народов.

Думается, подобная идея, схожая мысль одушевляла творчество удмуртского поэта Флора Васильева. Художник одаренный, удивительно искренний, он незадолго до безвременной недавней гибели своей писал:

> Хватает Волге широты и сини,
> Но с Камою она еще сильней.
> И для меня бы не было России
> Без маленькой Удмуртии моей.

Открыто, приветливо, «с солнцем в груди» живет республика, радуя и удивляя свершениями, высотой народного творческого потенциала.

Творчество ведь не дается злому и ленивому. Творчество неотрывно от созидания, одушевленного добротой, щедрой поэтичностью и песенностью людей края.

— Способности рождаются на свет вместе с человеком,— размышляет вслух Геннадий Михайлович Корепанов-Камский, возглавляющий Союз композиторов в Удмуртии.— Вижу себя в родном доме, рано осиротевшим мальчишкой. Отец и мать умерли друг за другом, почти одновременно; воспитывала меня четырнадцатилетняя сестренка, а мне не было и десяти... Помню голод, грызущий, просто неутолимый. Помню холод: вовсе нечем было прикрыться зимою. Помню почтальоншу тетю Катю, горестно разносившую по селу фронтовые похоронки... Но ведь помню и другое! Помню своих друзей. Свои поля. Свой лес, где жило эхо, повторявшее волшебно любой зов мой, к нему обращенный. По многу раз звучало в лесу каждое мое слово; звучало, поражая воображение,— каждый раз все тише и тише, пока не замирало совсем... шепот этот, а потом и молчание становились тоже чудом! Загадкой. Ожиданием новой встречи с удивительным... И все впечатления как бы сами собою сплетались в нечто огромное — непостижимое, волнующее чувство жизни... Так начиналась песня, а потом и музыка...

Песней и музыкой встретил нас далекий районный центр Алнаши, куда я приехала вместе с Аннетой Петровной Сидоровой, заместителем министра культуры Удмуртской АССР, много успевающей за свой рабочий день, длящийся иногда до поздней ночи.

В Алнашах было очень шумно и очень весело,— успешно шли полевые работы. Поэтому (хотя, наверное, и не только поэтому!) здесь справлялись сразу одиннадцать свадеб... Нас встретила расторопная и гостеприимная заведующая отделом культуры Алнашского райисполкома Людмила Ивановна Векшина-Посадова. И сразу же властно потребовала, чтобы прежде всего мы посмотрели дневной спектакль, играемый в Алнашах в воскресный день шефами — Удмуртским драматическим театром.

Шефы привезли премьеру. На этот раз была предложена зрителям комедия Егора Загребина «Серебряная свадьба, или Настя и Степан».

Казалось бы, откуда взяться публике: ведь во многих домах уже с самого утра шли свадебные пиры. Однако зрительный зал Дома культуры был переполнен; как говорится, яблоку негде упасть! Публика дружно взрывалась хохотом и шумно рукоплескала. Людмила Ивановна немедленно согнала с крайних кресел двух чрезмерно уж веселящихся малолетних мальчишек, и вскоре мы разобрались в том, что происходило на сцене. Красивая Настя — даже через двадцать пять лет замужества все еще красивая! — предпринимала многие решительные и хитрые меры, чтобы образумить своего слишком уж влюбчивого мужа, Степана. В финале она одерживала над ним полную победу: Степан объяснялся Насте в любви, приняв собственную жену за некую прелестную незнакомку...

Мы встретились с актерами. Оказалось, что сами-то они своим успехом были довольны не очень,— артистам пришлось в этот праздничный день несколько «усиливать акценты»... А вообще у театра с Алнашами отношения установлены давние, прочные и вполне ответственные.

Вероника Алексеевна Садаева, заслуженная артистка РСФСР и Удм. АССР, возглавляющая выездную труппу, рассказала, что в колхозах района они бывают каждое лето. И не наездами бывают, а всерьез, постоянно.

Год назад театр создал свой филиал в селе Малая Пурга. С публикой актеры встречаются не только в зрительном зале, но и в красных уголках, на колхозных фермах... Связи эти — самые тесные, реально ощутимые — взаимно плодотворны.

— Ведь мы привозим на село не только то, что полегче, вроде «Насти и Степана»,— говорит Садаева.— Мы будем показывать, например, даже «Катерину Измайлову», а это серьезная работа.

— Наверное, заглавная роль в «Катерине Измайловой» ваша?— догадываюсь я. Догадка приходит сама собой, при взгляде на выразительное, большеглазое неулыбчивое лицо, густые темные волосы, стройную фигуру... Вероника Алексеевна молча кивает.

— У нас в репертуаре,— рассказывает она,— за пятьдесят лет жизни театра накопились серьезные работы. «Женитьба» Гоголя, «Васса Железнова» Горького, «Трибунал» Макаенка, «Каса Маре» Друцэ, «В ночь лунного затмения» Карима... И, конечно, много удмуртских спектаклей. На селе играем все, что идет в городе... Главный режиссер театра — Леонид Романов, народный артист Удмуртии («Катерина Измайлова» поставлена им) — только что закончил стажировку в Москве у Андрея Александровича Гончарова. Кстати, теперь он обещал нам и в дальнейшем принимать стажеров из Удмуртии...

Сегодня у нас два спектакля: дневной и вечерний,— продолжает актриса.— Сейчас мы сразу же поедем с «Настей и Степаном» в колхоз имени Суворова. А завтра будем играть в колхозе «Первое Мая»... В городе летом вообще бываем недолго: все время — сельское! Все внимание — селу...

Таков один из многих примеров самоотверженной работы Удмуртского драматического театра с сельским зрителем, дающей результаты наглядные и самые убедительные. Например, не без влияния профессиональной сцены возник при районном Доме культуры в 1964 году широко известный Алнашский самодеятельный — теперь имеющий звание народного — театр, а также народный хор.

Проводив артистов, мы в Доме культуры накануне хоровой спевки, назначенной на вечернее время, беседуем с Людмилой Ивановной Посадовой, для которой работа, вплотную связанная с культурой района, стала самой жизнью, естественным ее содержанием. Но ведь не сразу она к этому пришла. Жизнь среди людей требует не только полноты отдачи и самоотверженности. Она требует еще и доброты, дружелюбия — особых человеческих качеств, какими, сразу видно, богата Посадова.

Открытая, общительная, она, не таясь, рассказывает о себе. И поначалу опять возникает прошлое удмуртки — трудная судьба, которую она с помощью Советской власти сумела в конце концов построить так, как считала нужным и для себя и для всех, кто был с ней рядом...

— Подумать только, учительницей стала! Двенадцать лет язык и литературу преподавала... Семью поднимала... Вдруг несчастье: муж погиб на стройке. На руках остались сыновья — малые дети да еще престарелые родственники мужа...

Снова пришлось Людмиле Ивановне и в самой себе и в людях силу искать.

— Вечером однажды пошла в хор. Поверите ли, песня стала утешением, поддержкой в жизни... Вся семья певучая была,— бедно жили, а песней радовались... Стала я и на сцене выступать: в драматическом коллективе тоже пригодилась. Ставили пьесу «Батрак» драматурга Петрова, и вдруг там мне — роль! Потом еще и другие спектакли были. Но ведь на все время требуется. А тут и основная работа переменилась; когда стала коммунисткой, мне говорят: будешь редактором газеты. Поработай!.. Конечно, если надо было — ни от какого дела не бегала. Да только культура села больше к себе манила. И самодеятельность привлекала... Вот теперь знаю: вполне нашла себя. Не «мероприятия» провожу, а всю душу вкладываю в дело. И люди это всегда чувствуют! Ну, да уж таков наш общий обычай, общее поведение...

Людмила Ивановна Посадова (слева) в спектакле «Сюан» («Свадьба»).

Пока мы слушали Людмилу Ивановну, собралась спевка.

Какая же это прелесть — давняя песня народная! И сколько же песен в этот вечер было спето! И все они были раздумчивые, светлые, чистые. Родниковые.

Бережно собран, сохранен фольклор — драгоценное народное наследие, к которому следует именно так — любовно, сердечно — относиться.

— О чем же рассказывает, о чем поется удмуртская песня?

— А вот сейчас будем петь песни, какие на новоселье у нас поют. Слушайте!

В песне, сложенной давным-давно, нет знакомых слов. Могут встретиться только имена людей, почти все до единого русские. Так ведь для Удмуртии вообще характерно, что люди как вчера, так и сегодня зовутся по-русски: Флор Иванович, Евстафий Петрович, Анна Васильевна, Людмила Ивановна... Обычаи же старинные, а значит, и содержание песни свое, особое... Новоселье, например, справляют вовсе не тогда, когда дом уже возник, построился, а во время работы, во время самой стройки. Потому что стройка в селе здесь — общее дело, всегда общий праздник и общая радость.

Строится новый дом для молодой семьи всем селом! И в это время люди поют, желая счастья друзьям и даруя им «заклинание»: песню,

укрепляющую, утверждающую собою это счастье...

— А теперь будем петь свадебные!.. А сейчас споем провожальные... А эти — когда любящие встречаются...

Песня утешает, поддерживает, сострадает или веселится, радуется вместе с человеком...

— Сколько же всего песен у вас?..

— Да разве кто их считал! Много!.. На целую жизнь хватит! Да еще и на другую останется...

Песни под баян, песни с пляской, с фигурами, с поклонами... Многие пришли петь в ярких нарядах, с бусами, цепочками, монистами на груди — тоже целое богатство, от дедов и прадедов унаследованное...

Алнашский хор где только не побывал! Даже в Кремле выступали... А вот, взгляните, сколько у хора грамот, сколько дипломов!.. Лауреаты неоднократные.

Людмила Ивановна вместе со всеми пляшет, поет,— раскраснелась и помолодела; легкое, чистое, звенит в хоре ее сопрано — заливается соловьем... Потом неожиданно распахивает руки — широко, дружелюбно.

— Всех прошу ко мне в дом! Прощаться-то больно неохота! Еще петь будем...

Над чистым, ухоженным домом прибита к крыльцу подкова. Верная примета — на счастье дому. А в доме уже накрыт стол; видно, что гостей ждали... Приветливо, уютно...

Недавно свое пятидесятилетие отпраздновала заслуженный работник культуры Удмуртской республики Л. И. Посадова... Вот так повернула она судьбу свою. И это одна из сотен тысяч нынешних типичных удмуртских судеб.

Лошкарев. По духу и характеру неусыпной деятельности он словно родной брат Семена Степановича Гейченко,— такой же энтузиаст и фанатик. Мало сказать, что Лошкарев влюблен в свое дело: он просто ради этого дела живет на свете. И, как всегда бывает у таких людей, работа у него не убывает, а, напротив, все прибавляется... Музей приведен в блестящее состояние. Но теперь надо благоустраивать сад, вернее, большой, густой парк, окружающий дом. А тут на каждом шагу проблемы. Любимые Чайковским ландыши вымерзли холодной весной. Нужно возобновлять розарий. Непременно убрать с территории все лишнее, что не связано с обликом ушедшей, но дорогой всем жизни...

В дни войны Удмуртия, город Воткинск породственному заботливо приняли и бережно сохранили все фонды Клинского дома-музея Чайковского, сберегли все экспозиции. Уже за одно это земной поклон Воткинску.

И очень важно, что для Удмуртии Чайковский — вовсе не только далекое, пусть прекрасное прошлое. Наследие Чайковского, как и обаяние его личности, живет здесь сегодня, как, быть может, никогда более современно и действенно. Созидательно... Музыка Чайковского — могучий заслон против пошлости, призыв к творчеству, одушевленному, высокому.

Замечательным, живым делом впрямую стал большой ежегодный Фестиваль имени Чайковского, на котором выступают и первейшие музыканты Советской страны и зарубежные гости.

Это всегда праздник республики.

любленной», слова, потрясающие нас и сегодня: «Приди, приди ко мне. Ты место, где я родился; я тебя приветствую, о земля дорогая»...

В той комнате Дома-музея, где весной 1840 года родился Чайковский, находится редкий его портрет. Мальчик глубоко задумался. Взгляд устремлен далеко... Кажется, что видит он все происходящее сегодня; видит даже самого себя в нашей, сегодняшней жизни. Он ведь предугадывал это, знал о своем призвании, ощущал в себе волнующее присутствие сил необъятных, могучих...

...Кажется, предугадывала свое будущее и Надежда Дурова — девица-кавалерист, чья жизнь долго шла на удмуртской земле.

Памятник ей воздвигнут в Сарапуле, где она жила, возле дома на крутой излучине Камы...

Долго стояли мы возле этой стелы, скромной, простой и тем более удивительной. С реки дул пронзительный ветер. Кама пенилась и сильно била волнами о берег, так же, наверное, как в ту давнюю пору, когда Надежда Дурова ничего еще и не знала о себе, о своем легендарном будущем, о том, что станет примером для потомков, когда этого потребует Родина...

Быть может, благодаря Дуровой постигла в юности себя и наша современница, Антонина Тихоновна Пальшина. Она решилась пойти воевать в годы первой мировой войны; на фронт явилась Антоном — в солдатской шинели и сапогах, с бритой головой... Да и потом, в годы Великой Отечественной войны против гитлеровских захватчиков, Пальшина совершила много героических подвигов, впрочем, уже не скрывая от людей своего женского обличья.

Идет концерт в Доме Чайковского.

А вспомнить только былую безысходность удмуртов. Вспомнить, как приезжал Короленко по долгу русского писателя-демократа, чтобы заступиться за бесправных, замученных людей, которые и людьми не считались... Удмуртия не забывает благородного поступка Короленко, чтит его память и сегодня.

Памятью Чайковского, мало сказать, гордится республика: она ею живет и дышит повсеместно... Петр Ильич Чайковский, родившийся на удмуртской земле, поистине дорог каждому здесь, от мала до велика.

Когда мы с Евстафием Петровичем Никитиным, заместителем председателя президиума Совета по охране памятников истории и культуры, подъезжали в Воткинске к Дому-музею композитора, из дверей вдруг выбежали один за другим дети в спортивной форме. Восторженные возгласы ребят явно относились к тому, что они видели в музее.

— В первый раз здесь были? — спросила я девочку с косичками.

— Нет, что вы!.. Наш тренер часто сюда нас приводит. Здесь интересно, хорошо очень!

Молодой тренер по плаванию Алексей Соболев убежденно заметил, что дети да и он сам вроде бы лучше, сильнее делаются, когда «с Чайковским повидаются». Это его слова.

Мы ходим по музею, где все пронизано особенной атмосферой прошлого — неумирающего и очень нужного людям сегодня... Обо всем этом печется, работает не покладая рук директор музея Александр Павлович

Таким же праздником стал еще и республиканский Фестиваль детского музыкального творчества имени Чайковского, впервые состоявшийся в 1980, году славный почин, проба сил...

Сегодня в республике идет уже уверенная подготовка к следующему детскому фестивалю, охватывающему все города и села, всех ребят, которые и поют, и играют, и танцуют, и вообще тяготеют к творчеству... Достаточно сказать, что участниками фестиваля были двадцать пять тысяч ребят и что побежденных, проигравших, отстающих в большом республиканском соревновании не было! Все оказались победителями, когда на стадионе в Воткинске прошел этот общеудмуртский праздник музыки, искусства и красоты. Разумеется, многие коллективы получили особо высокое признание, дипломы, медали. Были и личные награды, памятные подарки. И, кстати, еще сегодня все помнят успех солиста, школьника Феди Любимова, самого талантливого среди всех талантливых, замечательно представившего далекий Шарканский район республики...

Добрые уроки прекрасного приносят оба фестиваля, снова и снова связывающие Удмуртию с мировым гением Чайковского. Ведь именно здешняя природа, люди, могучая народная музыкальная стихия потрясли будущего композитора, дав ему ощутимые на всю жизнь, возвышенные чувства. Недаром же он в своих первых детских стихах писал, обращаясь, как взрослый, к Родине, к земле «воз-

Хороший, интересный краеведческий музей в Сарапуле, к сожалению, не показывает на своих стендах жизнь и деятельность замечательных патриоток Удмуртии, хотя сама идея как бы носится в воздухе. Люди обо всех незаурядных судьбах всегда хотят знать подробнее, глубже, особенно приезжие. И это тем более необходимо, что для Удмуртии, как мы уже видели, характерна глубинная, сердечная память о прошлом.

Созидая нынешнее, республика ревностно бережет дорогие традиции... В них и сила живого духовного наследства и нынешняя сила самого края. Самой земли... Вот она лежит, распахнувшись по всему горизонту, красивая, богатая, заботливо возделанная и ухоженная добрыми руками людей. Хорош хлеб страны!..

...Зерна, как будто патроны,
Для силы солдатской пойдут.
Собрать их с полей без урона —
Какой это радостный труд.

...Как будто большое наследство,
Я все это в сердце сберег.
Мне снова далекое детство
Увидеть помог колосок...

Опять и опять напоминают чудесные стихи Флора Васильева и о большом духовном наследстве и о больших делах маленькой вроде бы Удмуртии. Верной сестры России. И равной среди равных сестер своих.

ГЕКТАРЫ ЖИВОГО СЕРЕБРА

Вячеслав КОСТЫРЯ
Фото И. ТУНКЕЛЯ,
специальные корреспонденты
«Огонька»

На основе интенсификации прудового рыбоводства увеличить за десятилетие производство товарной рыбы в рыбоводных хозяйствах примерно в 3 раза. Осуществить реконструкцию, техническое перевооружение и развитие материально-технической базы рыбоводных предприятий...

Из «Продовольственной программы СССР на период до 1990 года»

В последние годы гости Ташкента и других промышленных центров Узбекистана не без удивления спрашивают:

— Откуда в продаже столько живой рыбы?

— Каждое утро привозят,— простодушно отвечают горожане.

— Издалека?

— Час-полтора езды...

...Под крылом АН-2 в изумрудном окружении хлопковых полей, отражая солнечные лучи, то и дело ослепительно взблескивает гигантский, из семидесяти стекол-прудов, витраж. Это тоже поля, занимают они почти три тысячи гектаров. Их удобряют, засевают, с них собирают урожай — живое серебро рыбы. Прудовое хозяйство принадлежит ордена Трудового Красного Знамени экспериментально-производственному объединению рыбной промышленности «Балыкчи», угодья которого раскинулись в пойме рек Сырдарьи, Чирчика и Ангрена.

Вплоть до шестидесятых годов эти места представляли собою комариное царство, джунгли камышей, болота. Затем здесь организовали рыбоводное хозяйство. Энтузиасты строительства Ю. М. Аминов и Л. Ф. Крупнов начали с поиска родственных душ, способных разглядеть за болотом голубую ферму. Кавалер орденов Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», искуснейший рыбовод Нигматулла Абдуллин вспоминает:

— Сначала мое звено получало по десять — двенадцать центнеров рыбы с гектара...

— А теперь?

— В прошлом году с сорока гектаров взяли по семьдесят центнеров! Надеемся, что в этом году вырастим не меньше. Продовольственная программа набирает силу, и мы надеемся, что она прибавит нам и техники и средства для ремонта и содержания прудов... Когда пруды были поглубже, еще не заиленные, урожай рыбы в звене достигал восьмидесяти центнеров с гектара...

А что думает на этот счет генеральный директор объединения «Балыкчи» Владимир Николаевич Труш?

— Незадолго до принятия Продовольственной программы всерьез подумали, знаете о чем? Произвести в последнем году пятилетки сто тысяч центнеров рыбы! Конечно, этот расчет на пределе нынешних материально-технических возможностей... Многое приходится выбивать, доставать... Теперь же эта цифра вполне реальна. В прошлом году мы получили семьдесят тысяч центнеров рыбы. Для того, чтобы ощутить нынешний поток живого серебра, скажу, что в 1965 году отсюда на стол горожан поступило всего четыре тысячи центнеров...

Как и в любом сельскохозяйственном производстве, все здесь начинается с поля и семян, то бишь с пруда и рыбной молоди. Но если в колхозе или совхозе тракторный парк исчисляется десятками машин, то здесь — пока единицами. Ветеран «Балыкчи», заслуженный рыбовод республики Анатолий Николаевич Мамин с крестьянской лукавинкой говорит:

— Очень дорожу наградой, орденом Трудового Красного Знамени, заработанным, можно сказать, вручную. А хотелось получить его, как получают, скажем, совхозные механизаторы... Немало пота пришлось пролить нам, перелопачивая днища прудов, дезинфицируя их известью, внося удобрения, чтобы рос зеленый корм для травоядной рыбы. На утренних летучках у директора только и разговору, что о тракторе — кому достанется... У нас на втором участке одних нагульных прудов около шестисот гектаров... И только когда приведешь пруд в порядок, наступает очередь добротной молоди!

В объединении «Балыкчи» на молодь особая надежда. Здесь рыба выращивается в поликультуре — карп, толстолобик, белый амур. Есть и рыбы-санитары — судак, змееголов. Но покупатели предпочитают карпа. И балыкчинцы это учли, создав свой «гибрид» карпа из украинской и местной породы.

Начальник инкубационного цеха Анатолий Валентинович Зуморин подчеркивает:

— Активная селекционно-племенная работа в содружестве с ихтиологами Московского государственного университета и Узбекского научно-исследовательского института прудового хозяйства обеспечивает наш завтрашний день. Более стойкое потомство карпа уже в будущем году, как мы ожидаем, станет хорошим исходным материалом для выращивания товарной рыбы. А сейчас кустарничаем. Вот отсюда начинается вегетационный цикл, а условия пока, как видите, такие, словно мы второстепенные,— невесело пошутил Зуморин, указав на бытовые ванны, приспособленные для трехдневной выдержки личинок, и на ведра, которыми вычерпывают личинки (травмируя их!) для транспортировки.— Надеемся, что теперь, после принятия Продовольственной программы дойдет и до нас спецоборудование...

— Что дает сокращение срока инкубации?

— Чем раньше мальки начнут набирать вес, тем лучше. К моменту высадки в пруды сеголетки, то есть мальки карпа, родившиеся «сего лета», наберут по тридцати граммов, а толстолобика — до сорока пяти вместо обычных двадцати — тридцати... А от стартового роста многое зависит!..

Один из резервов — плотность рыбы на единицу водной площади. Сейчас на гектар пруда высаживается до восьми тысяч сеголеток. Можно ли увеличить эту плотность?

— Да!— твердо говорит генеральный директор Труш.— Но не следует думать, что за нас работает щедрое среднеазиатское солнышко, которому завидуют коллеги из центральных и северных районов страны. Нет, палящее светило в самые продуктивные месяцы лета создает в прудах пограничный режим, грозящий рыбе замором. Она не только не растет, но и теряет в весе. Не хватает кислорода! И все-таки опыты показывают, что даже этот сложный для узбекских рыбоводов период можно преодолеть без потерь. Для этого надо бы углубить пруды, искусственно подпитывать их кислородом. Тогда сработает и природная теплая водица! Сейчас мы оснащаем один пруд аэрационными установками, что позволит будущей весной высадить в него не менее двадцати тысяч сеголеток на гектар. Так что при соответствующих условиях можно довести урожайность прудового гектара до ста центнеров товарной рыбы. Рыбаки М. Байбеков, В. Жувагин, М. Сафиуллин, Х. Абдусалямова, К. Нишанова стабильно получают до пятидесяти центнеров с гектара. Не говоря уж о Нигматулле Абдуллине, в прудах которого настолько увесистые карпы и толстолобики, что ему, рыбоводу, присвоили звание заслуженного животновода Узбекской ССР!

Объединение запланировало расширить водные угодья еще на сто гектаров. Прильнув к иллюминатору АН-2 при облете акватории, Владимир Николаевич, казалось, уже видел воочию новые пруды на неудобях в излуке Сырдарьи. Позже, уже в своем кабинете, он отчеркнул на карте-схеме красным карандашом тот же изгиб реки:

— Срезать бы по прямой эту кривизну! Да силенок пока не хватает... Ведь сегодня практически механизирован лишь один трудоемкий процесс — кормление рыбы. Но и тут самодеятельность... Кормораздатчиков промышленность не производит. Лов рыбы, ее сортировка, отгрузка — все вручную. А это увеличивает себестоимость. Пора строить специализированное предприятие по изготовлению нестандартного оборудования для прудовых хозяйств. Пусть на паевых началах!.. Есть и проблема сбыта первосортной, наивысшего качества продукции, именно живой рыбы. Так написано на автоцистернах, а внутри... Дело в том, что пока рыбу «распишут» по магазинам, часть ее теряет товарный вид. Иногда магазины не принимают бывшую живую... Более того, в магазинах рыбу содержат в металлических ваннах, без кислорода, а это увеличивает урон. Поэтому значительная часть рыбы возвращается в объединение, и мы ее отправляем в коптильный цех или перемалываем в муку. Парадокс: фактически рыба есть, а в продаже может и не быть... Недоволен покупатель, а для нас это прямой убыток.

Чтобы обеспечить бесперебойное снабжение столицы Узбекистана живой рыбой, ежегодно около тридцати тысяч центнеров рыбы держат в тех водоемах, где должна бы выращиваться новая молодь. Держат до конца мая. А в эти пруды уже в апреле надо бы высаживать сеголеток. Уже несколько лет ведутся разговоры о необходимости создать живорыбную базу — с нее бы торгующие организации снабжались живой рыбой, так сказать, по потребности. Кому, как не Министерству торговли республики, заняться этим?

Балыкчинцы соревнуются с передовым хозяйством страны — коллективом Донецкого ордена Трудового Красного Знамени опытно-показательного производственного объединения рыбного хозяйства. Они стремятся к тому, чтобы живая рыба была на прилавках и в летние месяцы, то есть круглый год.

Как растешь, годовичок!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Панорама нагульных прудов * Вечереет * А этим предстоит еще набрать вес — только тогда в магазин * Отлов рыбы для потомства * Кормление и аэрация в пруду * Инкубационный цех.

АПОЛЛОН ГРИГОРЬЕВ

В. ЕНИШЕРЛОВ

В 1846 году крохотным тиражом, всего в пятьдесят экземпляров вышла книжка стихотворений Аполлона Григорьева. А следующее издание его стихов появилось лишь через семьдесят лет. Тогда их собрал по старым журналам и альманахам, объединил в книгу со своей статьей-предисловием «Судьба Аполлона Григорьева» Александр Блок. Пожалуй, именно Блок со свойственной ему проницательностью и произнес об этом «одном из русских Гамлетов нашего времени» (Достоевский) самые точные слова: «Григорьев много любил — живою, русскою, «растительной» любовью. Страстно любил женщину, с которой ему не суждено было жить. Любил свою родину, и за резкие слова об этой любви (а есть любовь, о которой можно говорить только режущими, ядовитыми словами) много потерпел... Он любил страстно и самую жизнь, ту «насмешливую», которая была с ним без меры сурова, но и милостива, ибо награждала его не одною «хандрой», но и «восторгами». Григорьев был грешен и страстен».

Он родился сто шестьдесят лет назад, 16 июля (старого стиля) 1822 года в Москве, где и прошли его детство и юность. Отец Аполлона — Александр Иванович, дворянин (правда, всего во втором поколении), был человек умный, но беспечный; мать — дочь крепостного кучера, обвенчалась с Александром Ивановичем уже после рождения сына, так и оставшегося поэтому незаконнорожденным московским мещанином. Мучительная раздвоенность и мятежные метания Григорьева во многом определялись его происхождением. Этот «сын сороковых годов», духовно связанный с поколением Рудиных, глубоко ощущал свою мужицкую закваску — отсюда его бунтарское неприятие буржуазно-мещанских догм и презрение к барству.

Мировоззрение Григорьева формировалось в тридцатые годы, когда «в воздухе, звучавшем страстно-сладостными строфами Пушкина», носились романтические веяния и еще слышались отзвуки недавней катастрофы (поражение декабрьского восстания). Едва Аполлону минуло шестнадцать лет, он поступил в Московский университет, где особенно заинтересовался немецкой философией (Гегель и Шеллинг) и поэзией. В университете вокруг Григорьева образовался кружок молодежи (в него входили А. Фет, Я. Полонский, С. Соловьев, Ив. Аксаков, К. Кавелин и другие), сплоченный общими духовными устремлениями. Но особое влияние на Григорьева имел Фет, поселившийся рядом с Аполлоном в мезонине григорьевского дома в Замоскворечье. «Фет, которому родители вполне доверили Аполлона, был настоящим демоном-искусителем. Этот мудрец с мальчишества, мужественный и умелый в житейских делах, с железною волей, был полною противоположностью неумелому и нелепому Аполлону. Стихи Аполлона он критиковал строго и больно выкручивал ему руки за спину, так что тот не мог пошевельнуться; но Аполлон обожал его: тут явились и гитара, и табак, и просвещение насчет цыган, и стихи; тут-то, сквозь гегелевский чад и шеллинговский хмель, зазвучал тот «адский вальс» из «Роберта-Дьявола», от которого Аполлон сотрясался».

В своих интереснейших воспоминаниях «Мои литературные и нравственные скитальчества» Григорьев особо подчеркивает роль, которую сыграло Замоскворечье в его судьбе. Этот «уединенный и странный» уголок старомосковского мира с совершенно особым бытом, своеобразным характером обитателей, со своими нравами и обычаями, нашедшими гениальное отражение в пьесах А. Н. Островского, сформировал глубоко народную основу философии и жизненной позиции критика: «Вскормило меня, взлелеяло Замоскворечье. Не без намерения напираю я на этот местный факт моей личной жизни. Быть может, силе первоначальных впечатлений обязан я развязкою умственного и нравственного процесса, совершившегося со мною, поворотом к горячему благоговению перед земскою, народною жизнью».

Возможно, именно поэтому так проницателен был Григорьев в оценках произведений Островского, в котором, по точному замечанию Страхова, «он первый указал **новое слово** нашей литературы». В своих статьях критик доказывал, что произведения Островского раскрывают характер русского человека во всем его многообразии и глубине. Не только смешные, отрицательные, пошлые, но и тонкие, возвышенные черты русской души увидел Григорьев в пьесах Островского, и потому, писал он, «имя для этого писателя, для такого большого, несмотря на его недостатки, писателя — не сатирик, а народный поэт. Слово для разгадки его деятельности не «самодурство», а «народность». Только это слово может быть ключом к пониманию его произведений».

В этих словах из статьи «После «Грозы» Островского» явственна полемика с идеями Добролюбова, но мы будем исторически неточны, если не отметим, что многие частные выводы и наблюдения Григорьева в статьях, посвященных и Островскому и Тургеневу, объективно были близки мыслям Добролюбова.

Григорьев ценил Островского как прямого продолжателя дела Гоголя, сказавшего «слово полное и цельное... слово, наконец, последнее, потому что дальше в его направлении идти нельзя и некуда». И именно Островский, по мнению критика, продолжил дело Гоголя, но он пошел от того пункта, где Гоголь остановился, пошел по своему пути, погружаясь через быт в глубины народного сознания, выявляя и изображая коренные основы его жизни. Здесь и сказал драматург свое «новое слово». «Новое слово» Островского,— писал Григорьев,— есть самое старое слово: народность. Новое отношение его есть только прямое, чистое, непосредственное отношение к жизни».

Эти рассуждения относятся к уже сравнительно «позднему» периоду творчества (если можно так сказать о человеке, прожившем всего сорок два года) Григорьева, но истоки его мировоззрения, его идейной позиции — в чувствах и страстях, рожденных и патриархальным бытом Замоскворечья и «философическими» беседами университетского студенческого кружка, регулярно собиравшегося на антресолях григорьевского дома на Малой Полянке. В центре споров обычно была философия Гегеля, пропагандировавшаяся молодыми профессорами университета. «Об этих беседах,— писал Фет,— нельзя не вспомянуть, так как настоящим заглавием их должно быть А п о л л о н Г р и г о р ь е в... Как это сделалось, трудно рассказать по порядку; но дело в том, что со временем, по крайней мере через воскресенье, на наших мирных антресолях собирались наилучшие представители тогдашнего студенчества».

Окончив университет по первому разряду, Григорьев начинает служить, но тут в его жизнь вторгается несчастная любовь, наложившая отпечаток на всю его дальнейшую судьбу. Григорьев получает на службе отпуск и бежит из Москвы в Петербург, где все более погружается в литературную работу, выступает в «Отечественных записках» и особенно часто в «Репертуаре и Пантеоне», где появляются его стихотворения, рассказы, переводы, критические статьи. В «петербургских» стихах отчетливо просматриваются тенденции всей лирики Григорьева, поэта сконцентрированной, резко индивидуальной, «напряженнейшей» страсти.

В мире гоголевского Петербурга «для меня промелькнула, — пишет Григорьев, — полоса жизни совершенно фантастической; над нравственной природой моей пронеслось странное, мистическое веяние — но с другой стороны я узнал, с его запахом довольно тусклым и цветом довольно грязным... этот странно-пошлый мир». Каторжная работа в журналах, Александринский театр, куда Григорьев приходил в красной рубахе и плисовой поддевке, пятницы Петрашевского и упоение его сильной личностью, пьяный угар, женщины, цыгане, хандра, скука — такие, казалось бы, несовместимые факторы, а за ними «призрак первой любви» — вся эта внешне безалаберная, болезненная жизнь «последнего романтика» и питала музу Григорьева, в которой индивидуальная страсть сливается со страстью гражданской, исполненной пафоса борьбы за свободу личности в условиях нивелировки и обезличивания человеческого «я» николаевским режимом.

И пришел невод с добрым уловом * Внимательно следят за определением «статей» карпа (с п р а в а н а л е в о) генеральный директор В. Н. Труш, звеньевой Н. Абдулин и начальник инкубационного цеха А. В. Зуморин.

Творчество Аполлона Григорьева этого времени испытывает несомненное влияние Лермонтова, Жорж Санд, сен-симонистских и фурьеристских идей. Увлечение сочинениями Фурье, так свойственное передовой молодежи сороковых годов, для Аполлона Григорьева было обусловлено еще и тем, что наряду с критикой буржуазной цивилизации он придерживался, хотя и не всегда последовательно, фурьеристской идеи о божественном происхождении человеческих страстей, представления «о боге как о страстном существе» (это точно отмечено Б. О. Костелянцем в предисловии к стихотворениям А. Григорьева в «Библиотеке поэта»).

Все особенности лирики Григорьева сконцентрированы в лучшем его стихотворении сороковых годов — «Комета»:

Когда средь сонма звезд, размеренно и стройно,
Как звуков перелив, одна вослед другой,
Определенный путь свершающих спокойно,
Комета полетит неправильной чертой,
Недосоздáнная, вся полная раздора,
Невзнузданных стихий неистового спора,
Горя еще сама и на пути своем
Грозя иным звездам стремленьем и огнем,—
Чтó нужды ей тогда до общего смущенья,—
До разрушения гармонии?.. Она
Из лона отчего, из родника творенья
В созданья стройный круг борьбою послана,
Да совершит путем борьбы и испытанья
Цель очищения и цель самосозданья.

В Петербурге Григорьев испытал тяжелое одиночество. Вернувшись в Москву, он печатает много статей, с 1851 года регулярно сотрудничает в «Москвитянине», вырабатывая свой идеал — веру в народ и народность.

«Для меня лично,— обращался критик к И. С. Тургеневу,— человека в народ верующего и давно, прежде вашего Лаврецкого, воспитавшего в себе смирение перед народною правдою, понимание и чувство народа составляют высший критериум... Не народ существует для словесности, а словесность (в самом обширном смысле, то есть как все многообразное проявление жизни в слове) для народа,— и не словесностью создается народ, а народом словесность».

Сблизившись с так называемой «молодой редакцией» «Москвитянина», группировавшейся вокруг А. Н. Островского, Григорьев работает очень много и напряженно. Он создает цикл статей, в которых развивает взгляд на русскую литературу и пишет о творчестве своих предшественников и современников — Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Белинского, Островского, Гончарова, Достоевского и других. Об отношении критики к литературе и искусства к жизни писал в те годы Григорьев так: «Историческая критика рассматривает литературу как органический продукт века и народа в связи с развитием государственных, общественных и моральных понятий. Таким образом, всякое произведение литературы является на суд ее живым отголоском времени, его понятий, верований и убеждений, и постольку замечательным, поскольку отразило оно жизнь века и народа». Собственно, этот принцип, которому Григорьев следовал постоянно, и составляет основу его «органической критики», рассматривающей искусство как «живорожденный» целостный организм, возникающий из синтеза жизни и мировоззрения художника, которое само теснейшим образом связано с жизнью и рождено ею. «Между искусством и критикою есть органическое родство в сознании идеальном, и критика поэтому не может и не должна быть слепо историческою, а должна быть, или, по крайней мере, стремиться быть, столь же **органическою**, как само искусство, осмысливая анализом те же органические начала жизни, которым синтетически сообщает кровь и плоть искусство».

Понятен и интерес Григорьева к народному творчеству, народной песне. В них видел он особый, естественный, органический мир, чувствовал истинную глубину и величие народного духа, сознавал ту подлинную народность, которую всегда искал в произведениях искусства. В статье, посвященной русским народным песням, собранным Стаховичем, он останавливается на этом феномене народной поэзии — песне. Критик думал о большом труде, посвященном народной поэзии, но не осуществил его, а оставил лишь несколько статей. Они интересны еще и тем, что написаны не только теоретиком, прекрасно знающим предмет своих ученых штудий, не только великолепным поэтом, некоторые стихи которого, положенные на музыку, сами стали народными песнями, но и прекрасным, страстным, проникновенным исполнителем народных песен. Фет писал, что Григорьев «доставлял искренностию и мастерством своего пения действительное наслаждение. Он, собственно, не пел, а как бы пунктиром обозначал музыкальный контур пиесы». А еще один слушатель Григорьева словно продолжает этот рассказ: «Хозяин в красной шелковой рубашке русского покроя, с гитарой в руках, пел русские песни. Голос у Аполлона Александровича был гибкий и мягкий, и ему придавали особую красоту какая-то задушевность в чувстве и тонкое понимание характера нашей народной поэзии. На гитаре он играл мастерски. Этот почти совсем забытый в наше время инструмент в его руках прекрасно гармонировал с русскими мотивами».

У Григорьева была любимая народная цыганская песня, из которой он взял двустишие: «Чибиряк, чибиряк, чибиряшечка...» — как припев для своей знаменитой «Цыганской венгерки», начинающейся всем знакомыми словами: «Две гитары, зазвенев, жалобно заныли...»

В рассказе Фета «Кактус», в котором изображен А. Григорьев, автор объясняет, почему венгерка, перемежающаяся двумя строками этого припева, пришлась по душе, «в которой набегавшее скептическое веяние не могло загасить пламенной любви, красоты и правды. В этой венгерке сквозь комически-плясовую форму прорывался тоскливый разгул погибшего счастья».

Стихов теперь он пишет совсем немного, но в 1857 году публикует цикл «Борьба», с такими шедеврами русской лирики, как «О, говори хоть ты со мной...», той же «Цыганской венгеркой», «Ветер душит, ветер воет...». Знаток и ценитель фольклора, Григорьев поднимается в этих произведениях до высот подлинно народного искусства.

Европа (Григорьев после закрытия «Москвитянина», что явилось для него страшным ударом, вновь бежал из Москвы, но теперь уже в Италию) дала поэту то ощущение, которое позволило ему назвать себя «последним романтиком». За границей он пишет поэму «Venezia la bella» и цикл «Импровизаций странствующего романтика» — почти последние свои и очень горькие лирические стихи. Он возвращается в Россию, публикует в «Русском слове» несколько значительнейших статей, после реформы 1861 года сотрудничает в журнале братьев Достоевских «Время», однако, не поладив с редакцией, уезжает в Оренбург, где вдали от друзей и литературы не выносит тягостного одиночества, вновь возвращается в Петербург, пишет замечательные работы о театре, публикует последние статьи в «Эпохе» Достоевских, но, физически и нравственно надломленный, попадает, уже не в первый раз, в долговую яму и, выкупленный оттуда за несколько дней до смерти, умирает 25 сентября 1864 года.

«Я приложил бы к описанию этой жизни картинку: — пронзительно заканчивает статью «Судьба Аполлона Григорьева» Блок,— сумерки; крайняя деревенская изба одним подгнившим углом уходит в землю; на смятом жнивье — худая лошадь, хвост треплется по ветру; высоко из прясла торчит конец жерди; и все это величаво и торжественно до слез: это наше, русское».

Жизнь Аполлона Григорьева была исполнена взлетов и падений, торжеств и скорби. Непросто сложилась и судьба его литературного наследия. Вспомним, что при жизни вышла ничтожным тиражом лишь маленькая книжечка его стихов да были напечатаны переводы произведений Шекспира, остальные же работы Григорьева оказались разбросанными по различным периодическим изданиям. Их не раз пытались собрать воедино — в последние годы, например, вышли однотомники его критических статей, работ по эстетике, в серии «Литературные памятники» опубликованы «Воспоминания»,— но до сих пор нет научно подготовленного собрания сочинений Григорьева, куда бы вошли его статьи, стихотворения, драмы, письма и т. д.; нет (например, в серии ЖЗЛ) и подробного жизнеописания Григорьева, хотя, казалось бы, чтó, как не судьба этого «русского Гамлета», заслуживает своего биографа. Сейчас советское литературоведение усилиями ряда исследователей и особенно профессора Б. Ф. Егорова подготовило почву для этих изданий. И хочется надеяться, что они осуществятся, ведь творчество А. Григорьева — неотъемлемое звено отечественного культурного наследия, и «все богатое царство его мыслей» должно быть доступно нашим современникам и потомкам.

Сергей **ВЛАСОВ**

КАК

Говорят, что все открытия делаются случайно. Не станем судить о других, но то, что к своему открытию Игорь Борисович Чарковский (тогда научный сотрудник ВНИИ физической культуры) пришел неожиданно,— это совершенно точно.

Ровно двадцать лет назад у них с женой родилась Вета, недоношенная девочка весом немного больше одного килограмма. Крохотное, крайне слабое существо. Врачи были единодушны: ребенок обречен, шансов выжить у него практически нет. Трудно представить себе, что пережили в этот момент родители.

— Ну придумай же что-нибудь! — взмолилась в отчаянии супруга.

Что тут придумаешь?..

И все-таки Чарковский придумал. Он был хорошим пловцом, с детства любил и понимал воду, знал ее силу, знал ее способность давать телу покой и облегчение, снимать усталость. И он решился на крайний, казалось бы, шаг. Папа смастерил из плексигласа аквариум, наполнил его водой и пустил туда своего семидневного Ихтиандра...

Ребенок ожил, словно стряхнул с себя какие-то неведомые путы. Почему, однако, неведомые? Путы земной гравитации. Ведь это так просто объяснить: в утробе матери дитя находится во взвешенном состоянии, почти в невесомости, но вот оно появилось на свет, и тут же на него обрушивается гравитационный удар, который сильно сковывает движения. Недаром специалисты сравнивают перегрузки при рождении человека с перегрузками космонавта, когда тот возвращается с орбиты на Землю.

Значит, чтобы облегчить новорожденному борьбу за жизнь, чтобы уменьшить расход его энергии на преодоление непривычного пока земного тяготения, надо избавить его от этого тяготения. Как избавить? На Земле выход только один — в воду. Именно так и поступил Чарковский со своей дочкой. Не от хорошей жизни, как видите. С единственной целью — спасти жизнь малышу.

Ребенок не чувствовал никакого страха перед незнакомой стихией. Движение в воде доставляло ему явное удовольствие, а ведь только что в кроватке кроха была почти неподвижна. В воде она ровнее дышала (голову ей по очереди поддерживали то мама, то папа), а еще полчаса назад, «на суше», ее прерывистое, казалось, предсмертное дыхание вселяло в них ужас... В аквариуме ребенок проводил бóльшую часть дня. Дошло до того, что кроха ела и спала в воде, время от времени выныривая на поверхность.

В семь месяцев девочка с открытыми глазами спускалась по лесенке на дно бассейна за бутылкой с молоком и оставалась под водой несколько минут. Вскоре научилась нырять и плавать необычным стилем, похожим на брасс, но только более целесообразным, более совершенным. Чарковский сам отменный пловец, его в свое время учили плавать высокие профессионалы, а ребенок, оказалось, всю эту премудрость знал (точнее, может быть, не успел забыть) с рождения.

Вот тут-то и начались открытия. Ученых, наблюдавших этот необычный эксперимент, поразило, что полугодовалая девочка, ныряя под водой, никогда не захлебывается (позже исследования подтвердят, что у новорожденного, у которого еще не утрачена память о пребывании во внутриутробной жидкой среде, значительно сильнее, чем у взрослых, развит рефлекс перекрытия дыхания при погружении). Их удивляла феноменальная способность малыша ориентироваться в воде и передвигаться в ней с необычной скоростью (потом будет доказано, что у грудных детей еще не утеряно умение ориентироваться в водной среде с помощью самого древнего анализатора — вкусового. «По вкусу» ребенок, находящийся под водой, может даже отличать близких ему людей от посторонних. Взрослые же лишены этой способности. Значит, не случайно природа наделила ею, впрочем, как и другими «подводными» навыками, именно новорожденных).

Но больше всего удивляло другое. Вета по своему развитию явно опережала благополучно родившихся сверстников. Позже Чарковский даст этому феномену научное объяснение. А пока он пытался во всем разобраться с помощью старых, полузабытых книг, изучая древние культуры. Оказалось, что еще тысячи лет назад египтяне в случаях, когда женщине грозили трудные роды, спасали ее от страданий с помощью воды. Попросту опускали в нее роженицу. А потом подметили, что детишки, родившиеся таким образом, выгодно отличаются от других и в умственном и физическом отношении, и тогда пошли дальше — тех, кому предстояло впоследствии стать жрецами, стали производить на свет именно так: в водной среде.

Этот факт заставил Чарковского задуматься. А что, если, искусственно продлевая состояние, напоминающее внутриутробное, мы создаем условия, в которых наилучшим образом идет развитие человеческого мозга, всех систем организма. Тогда, двадцать лет назад, это была всего лишь гипотеза. Она требовала подтверждения. За ними Чарковский и отправился... в родильные дома, где он предложил свои услуги для спасения обреченных детей, тех, кто по каким-то причинам должен был скоро умереть. Акушеры встретили его поначалу скептически. Наконец, один врач, Владимир Иванович Горбунов, рискнул. И он не пожалел об этом — первая же попытка окончилась удачей. Недоношенный мальчик, жизни которому акушеры давали несколько часов, после того, как его опустили в ванночку с водой, «обрел форму»: восстановились сердечная деятельность, дыхание. Когда его извлекали из воды, ему, так же как в свое время и Вете, становилось хуже. Он тоже выжил.

Таких возвращенных «с того света» с помощью «святой воды» (и святой веры Чарковского) скоро набралось довольно много. Врач Алла Владимировна Кустова, кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник Московского областного научно-исследовательского института акушерства и гинекологии, спустя некоторое время обследовала многих из них. Вот ее заключение:

— Не по возрасту развитые дети.

Те ребята и девчонки, ставшие теперь почти взрослыми, вполне возможно, и не знают, что своей жизнью обязаны не только своим родителям...

Опыты — если их так можно назвать — Игорь Борисович продолжил в Московском доме ребенка. Я встретился с бывшим главным врачом этого гуманнейшего учреждения Еленой Васильевной Шулятьевой. Оказывается, у них практикуют методику Чарковского, правда, если в этом есть необходимость. А она, увы, бывает...

— К нам ведь нередко поступают очень слабенькие дети,— рассказала Елена Васильевна,— а таких чаще всего и оставляют родители. И тогда вода становится для них поистине спасительной. Вспоминаю, как попали к нам двое ослабленных малюток. В весе совсем не шли, срыгивали, все время куксились... Но как только стала я их держать в воде, тут же их состояние улучшилось, они резко прибавили в весе. Таких примеров у меня множество. Грудные дети в воде оживают...

Одним из немногих, кто в те далекие годы поддержал Чарковского, был проректор Государственного центрального института физической культуры (где Игорь тогда учился) Борис Иванович Бутенко. Сегодня он вспоминает:

— Игорь сразу привлек меня своей одержимостью. Была в нем какая-то удивительная внутренняя сила, стремительность и убежденность. Он рассказал мне о своих экспериментах, о своей главной идее — избавить новорожденного от резкого воздействия гравитации и постепенно приучить его к ней. «Но как?» — с изумлением спросил я. Надо добиться, ответил Игорь, чтобы родители воспитывали ребенка в воде бо́льшую часть времени. «И как долго?» — все еще не веря, что он говорит всерьез, расспрашивал я его с улыбкой. Чем дольше, тем лучше, совершенно серьезно сказал он, но даже несколько первых часов пребывания в водной среде для ребенка имеют огромное значение: они дают ему возможность адаптироваться, перестроиться, мобилизовать свои скрытые резервы.

Сначала эта мысль,— продолжает Борис Иванович,— показалась мне, как и многим ученым, просто безумной. Но вскоре мы поняли, что она как раз «достаточно безумна, чтобы быть правильной». И в самом деле очень скоро у Чарковского появились последователи в Москве, Ленинграде, Таллине, Риге, Новгороде, а потом и за рубежом. Я уверен, для того, чтобы проблема получила нужное развитие, необходимо создать лабораторию или клинику, дать ей штат врачей, специалистов. Затраты непременно окупятся сторицей!

Лаборатории, о которой говорил Борис Иванович, к сожалению, пока нет, но научная разработка вопросов плавания новорожденных ведется уже в двух институтах: в НИИ педиатрии АМН СССР и в НИИ педиатрии и детской хирургии Минздрава РСФСР. Плавание грудных детей, как мне сообщили в Министерстве здравоохранения СССР, внедрено уже в 233 поликлиниках 53 крупных городов страны. Сотни методистов ежегодно обучают плаванию более ста тысяч детей. Таким образом, можно говорить уже о создании первой и пока единственной государственной школы детского плавания.

Общепризнанная сегодня методика обучения младенцев плаванию разработана главным врачом бассейна «Москва» Владимиром Александровичем Гутерманом. Лет шесть назад он начинал с того, что каждую медсестру в поликлиниках искусству обращения с ребенком обучал индивидуально. Сегодня им создан и успешно внедряется групповой метод обучения, позволяющий готовить одновременно до ста методистов за 15—20 дней. В. А. Гутерман ездит по стране, проводит двухнедельные практические семинары, которые часто выливаются в настоящие праздники. Сегодня руководители и обоих министерств здравоохранения (союзного и республиканского) и Главного управления здравоохранения Мосгорисполкома обеспокоены тем, чтобы приобщить к раннему плаванию как можно больше детей. Это и понятно.

— Массовое внедрение раннего плавания,— говорит В. А. Гутерман,— таит для каждой страны фантастические возможности. Прежде всего решается кардинальная проблема младенчества — гиподинамия. В четыре месяца ребята самостоятельно плывут на спине, с двух месяцев — хорошо ныряют в поддержках, в год — самостоятельно проплывают в ластах до двух десятков метров. В создании активного двигательного стереотипа плавающих детей скрыта настоящая революция в медицине: такие дети в три раза меньше болеют, их болезни протекают в более легкой форме и как итог — практически нулевая смертность плавающих детей раннего возраста. Младенцы-пловцы выше неплавающих собратьев и больше в объеме грудной клетки. Плавающие дети стоят, сидят и ходят на месяц раньше. Их словарный запас выше контрольных данных в три-четыре раза. Так что плавание младенцев — это не только проблема настоящего, но и будущего.

Вот какая радужная вырисовывается картина. Но давайте вернемся с небес на землю.

Вспомним о Чарковском, человеке, стоявшем у истоков идеи.

Двадцать лет назад, как, впрочем, и пятнадцать и десять, он доказывал в самых разных инстанциях то, что сегодня стало аксиомой. Но тогда на него смотрели как на безумца. Ему не хватило терпения, а может быть, и умения довести начатое до конца. Устав от бесплодных сражений с противниками своей идеи в разных инстанциях (сейчас они—ее сторонники), Чарковский вынужден был оставить прежнее место работы, заняться другой проблемой.

Ситуация вызывает горечь и недоумение. Обидно за человека, значение работ которого и сегодня мало кто отрицает.

Вот что, например, говорит о них видный советский ученый, доктор биологических наук профессор П. А. Коржуев:

— Исследования Чарковского пролили совершенно новый свет на неизученные возможности человека, открыли практические пути совершенствования нервной системы и мозга новорожденного. Главная заслуга Чарковского в том, что он разработал стройную концепцию, которую подтвердил множеством интереснейших экспериментов на животных, успешно

БЫТЬ С ЖАР-ПТИЦЕЙ?

апробировал в работе с детьми, дал четкие рекомендации для развития исследований и широкого использования полученных результатов. И все это сделано практически одним человеком в условиях полного непонимания его открытий со стороны большинства ученых, и сделано двадцать лет назад.

А вот мнение бывшего директора ВНИИ физкультуры и спорта профессора И. П. Ратова:

— Основная суть работы Чарковского — в возможности влияния на эволюцию человека. Глобальность этой идеи и сложность ее восприятия на первых порах явились своеобразным тормозом в практической реализации. И одна из важных задач сейчас — подготовить общественное мнение к восприятию этой идеи.

Вот так: возможность влияния на эволюцию человека. Ни больше ни меньше.

Но сегодня, когда идея Чарковского получила столь блестящее воплощение, сам он оказался не у дел. Кого винить? В свое время я пытался упрекать самого Чарковского: что же вы, мол, за столько лет не удосужились написать ни одной серьезной научной работы, тогда все было бы иначе. А у него один ответ: «Некогда!» Потом я понял, что в самом деле ему некогда: когда ни позвонишь, все время он в ванной — чужих детей купает.

И так двадцать лет. Не просто, конечно, купает — учит при этом родителей обращению с новорожденным, главное — преодолению страха, учит тому, что ни в коем случае нельзя браться за обучение малыша с опасением, что вы можете принести ему вред. Страх от взрослого непременно передастся ребенку и может ввести его в тяжелое стрессовое состояние.

Жаль только, что результаты своих опытов он не собирал и не протоколировал, а ведь это крайне важно, может быть, важнее многого другого. Крайне важны отдаленные результаты, а они разве где-то зафиксированы? Так, отдельные случаи. Крайне важны все ошибки, оплошности, недочеты — кем они зарегистрированы? Никем.

Словом, при всем благородстве, одержимости и мужестве Чарковского его можно назвать все-таки Дон-Кихотом. Но, извините, сегодня донкихоты, рыцари-одиночки в науке, вещь не продуктивная. Невесомость хороша, наверное, для новорожденных и младенцев, а для сорокапятилетнего научного сотрудника неплохо бы иметь точку опоры. И такой точкой опоры могли бы стать должным манером обработанные результаты его деятельности. Все-таки наука есть наука: она требует строгости и достоверности. Иначе все это может выродиться в дилетантство...

Но сейчас хотелось бы говорить о другом. Чарковский не одинок: таких, как он, изобретателей, открывателей, которые, поймав свою жар-птицу, не знают, как с ней обойтись, немало. И хотя некоторых из них, так же как и Чарковского, есть в чем упрекнуть, не стоит, наверное, судить их слишком строго; ведь искусству обхождения со своими жар-птицами пока нигде не учат. Но нас давно и настоятельно, с самых высоких трибун, учат государственному подходу к явлениям жизни, именно такого подхода в данной ситуации — по отношению к идеям Чарковского — и не было проявлено.

Но вот недавно я встретился с Жаком Майолем, известным французским путешественником, ученым, журналистом, мировым рекордсменом по нырянию в глубину. К слову сказать, его рекорд равен шестидесяти трем метрам. Он рассказал:

— Сейчас во Франции, США, Канаде, в других странах роды под водой и купание новорожденных детей получают признание у самых строгих медиков. Я сам видел грудных детей, несколько минут ныряющих под водой. Фантастика! Это меняет наш взгляд на человека. Не случайно поэтому в сентябре в Новой Зеландии состоится первая международная научная конференция по проблемам родовспоможения в воде и плавания грудных детей. На конференцию приглашены и зачинатель метода Игорь Чарковский и Владимир Гутерман.

Надо заметить, что за рубежом методики Чарковского, почерпнутые из популярных советских изданий, используются очень широко (правда, в сильно упрощенном, искаженном, более примитивном виде). Дело дошло до того, что интересующиеся детским плаванием берут информацию о работах Чарковского не от него самого и не из наших, а из зарубежных источников и потом ссылаются на них как на приоритетные (отмечая при этом, что у нас «тоже ведутся такие работы») и полагают, что изучают новейшие западные методы обучения грудных детей плаванию, забывая, а может быть, и не зная, что автор этих методов — их соотечественник. Вот уж действительно нет пророка в своем отечестве.

Возможно, происходит это от чрезмерного нашего богатства. К сожалению, сколько ни учит нас горький опыт, так и не научились мы — в отличие от других, заметьте,— ценить свое достояние. А ведь такие люди, как Чарковский,— одно из главных наших богатств. Им помогать надо!

Если задаться целью найти виновных в том, что так долго у нас в стране к исследованиям Чарковского относились без должного внимания, то, вероятно, нужно было бы назвать по крайней мере два десятка различных ведомств и организаций. Но стоит ли! У них свои заботы, свои планы. «Чарковские» для них — лишняя нагрузка. Ну, а если поставить дело так, чтобы ведомства на деле, а не на словах стремились помочь таким людям, как Чарковский, чтобы они буквально гонялись за ними?..

Сегодня, когда общественно-научное мышление, можно сказать, настояно на парадоксальных идеях (и кто знает, какие из них лет через десять будут признаны бредовыми, а какие, может быть, лягут в основу мироздания),— сегодня особенно важно найти способ отделять зерна от плевел и извлекать из этих зерен пользу, пока ее не извлекли иные. Ведь ныне вопрос приоритета советской научной мысли необычайно важен.

Вообще-то даже неловко повторять столь прописные истины, все мы хорошо их знаем. Но когда доходит до дела...

Не пора ли начать действовать? А то ведь жар-птицы разлетятся... Не поймаешь.

14 АВГУСТА ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

РА

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ

Есть в спорте одна странная и трудно объяснимая закономерность: высококлассными тренерами чаще всего становятся спортсмены среднего уровня, а не выдающиеся.

Марис Грива — тренер победителя Московской Олимпиады в метании копья Дайниса Кулы. Во времена активных выступлений Гривы в соревнованиях в мире копьеметателей властвовал великий Янис Лусис. Долго властвовал — был олимпийским чемпионом, рекордсменом мира, многократным чемпионом СССР. Несчетное множество раз посылал снаряд за 90-метровую черту. А копье Гривы дальше 78 метров не летело. Цифры, как видите, несоизмеримые.

С Лусисом Грива знаком давно. Когда-то около года занимались даже в одной группе у известного тренера Валентина Маззалитиса. Многие копьеметатели мира прошли «школу авторитета» Лусиса, перенимая его технику броска и методы подготовки. Авторитет этот был и остался настолько весом, что, думалось, не мог не оказать решающего, магического влияния на Гриву как на спортсмена и тренера. Но все было не так.

Почему и как он стал искать свой путь в нелегком тренерском деле? Впрочем, удивительно ли это? На любом поприще человеческих трудов успех часто приносит поиск нестандартных решений. Такова суть творчества.

На стадионе при первом взгляде на тренера и ученика не сразу и поймешь, кто здесь старший. Оба в спортивных костюмах, оба стройны и сухощавы. И прическа у Мариса не столь солидна, как, возможно, подобает наставнику. Быстр и резок в движениях. Во время тренировки постороннему к нему лучше не обращаться — не услышит, весь в деле. И характер не как у большинства прибалтов, известных своей сдержанностью, неторопливостью. Грива нередко вспыльчив, крут, несговорчив. Наверное, Дайнису с ним нелегко, да разве он сознается? И глядит и слушает. И повторяет раз за разом какой-то элемент. Грива же чаще всего недоволен, то и дело сам берет копье в руки. Так идут день за днем. Год за годом. Вот уже девять лет.

Вентспилс, где они живут,— латвийский городок, небольшой. Так что легкоатлетический манеж для городка построить не легче, чем аэродром. Не построили пока. А то, что есть, манежем не назвать. Маленький, полуразрушенный, отапливать зимой бесполезно, все выдувает напрочь. Инвентарь быстро приходит в негодность. А у Гривы группа около ста человек.

На стадион Дайниса не привели мама или бабушка. И вообще для Вентспилса легкая атлетика — это, как, скажем, для футбольной Бразилии гандбол или борьба самбо. В Вентспилсе мамы и бабушки отдают детей в баскетбол. Дайнис пришел к Гриве сам и сказал: «Хочу метать копье».

В семьдесят третьем году 14-летний Дайнис метнул копье всего на 30 метров, но Грива сказал: «Будем работать».

Олимпийским чемпионом Дайнис Кула стал в 21 год. Все предшественники на этом почетном «посту» были старше. Разумеется, природа его не обидела: рост — 191 сантиметр, вес — 94 килограмма. Однако таких до него было множество. И силой Дайнис не особенно вышел. Даже теперь не выделяется среди своих коллег-копьеметателей. Олимпийский же чемпион он.

С каждым годом копье Дайниса летело все дальше. Сейчас, оглядываясь вместе с Марисом на пройденное, я замечаю, что не было в том ничего необычного, кроме разве удивительной закономерности результатов. Неожиданных срывов, застоев не случалось. Серьезных травм, особенно терзающих копьеметателей,— тоже. И, может быть, с этим обстоятельством и связаны успехи Дайниса: все уравновешено, хорошо отлажен механизм.

Грива уже давно понял, что не существует универсальной техники метания, что опыт других изучать нужно, но лишь для того, чтобы создавать свою. Взгляды Мариса на технику метания копья и методику тренировки большинству специалистов казались по меньшей мере причудливыми, и выслушивать ему приходилось всякое, а ученику — еще более того. Воздадим должное Дайнису: не дрогнул, не заколебался. Отказался от переезда в другие места, остался при «манеже», сохранил верность тренеру.

Действительно, принципы Гривы не укладывались ни в какие рамки. Лусис за тренировку поднимал до десяти тонн веса, а для Кулы это составляло месячную норму. «Что же получается,— спрашивали оппоненты Гривы,— разве не нужна копьеметателю абсолютная физическая сила?» «Нужна,— отвечал Грива,— да еще какая, но к ее обретению мы с Дайнисом идем своим путем». И Марис сконструировал тренажеры, разработал специальные упражнения — применительно к рисунку, к технике метания, которую он видел.

— Какие результаты Кулы в спринтерском беге? — спрашиваю я Мариса.

— Не знаю,— отвечает,— они не имеют значения.

— Разве вы не тренируете спринт?

— Обязательно тренируем, но абсолютная скорость значения не имеет.

Планы тренировок у них не протокольны, как у большинства коллег. Планы не схема, а скорее об-

ЗБЕГ

раз действий. Как и в каком объеме работать завтра, этого они сегодня точно не знают. Многое будет зависеть от того, как прошла тренировка сегодня, что получилось или нет. Есть главная цель, есть генеральная линия, остальное — «утро вечера мудренее». По мнению авторитетов, так работать нельзя, так не принято. Но тем не менее именно так работает Грива со своим учеником. И как будто неплохо.

Из всех четырех видов легкоатлетических метаний копье — технически самый сложный, самый труднообучаемый и трудноусвояемый вид. Взгляды на передовую технику здесь постоянно меняются. Суть их, конечно,— предмет обсуждений на страницах специальных изданий. Однако даже от стороннего взгляда не ускользнет, что метает Кула иначе, чем, скажем, Цыбуленко, Невала, Лусис, Вольферман, Немет или другие знаменитые его предшественники. Так, например, не увидишь в финальной стадии его броска привычного выразительно-скульптурного положения натянутого лука, нет традиционного «хлеста» рукой, выпускающей копье. И вообще метает Дайнис как-то воздушно, весело, словно в руках его камушек.

...Приближалась Олимпиада. Подготовительный период у Дайниса шел, словно разбег метателя перед броском: спокойный старт, нарастание темпа, «взведение пружины» и все в одной нервущейся цепи, каждому звену свое время и место. Зная характер Дайниса, учитель видел одной из основных задач уберечь его от пика формы раньше времени, не «выстрелить» в неположенный час. Но ученик все больше входил в азарт. Оставалось еще добрых два месяца до главного старта, а он так «пристрелялся» к 90-метровой отметке, что Грива решил пригасить этот огонь. И стал все чаще уводить Дайниса тренироваться в лес, не давал ему в руки копья.

Но вот и дождались они своего дня. Состав соревнований копьеметателей, как и водится на Олимпиадах, оказался весьма серьезным. Приехали знаменитые финны П. Синерсаари и А. Пураннен, опытные В. Ханиш и Д. Фурман из ГДР. Но наиболее грозно выглядела венгерская команда: чемпион предыдущей Олимпиады М. Немет и Ф. Параги, буквально накануне Игр установивший великолепный мировой рекорд — 96,72 метра.

В назначенный час копьеметатели собрались на запасном поле Олимпийского стадиона. Судья построил их, провел перекличку, повел на главную арену. «Держись, Дайнис!» — крикнул тренер и зашагал на трибуну. И вдруг, еще раз обернувшись, увидел, что Ференц Параги нервно затягивается сигаретой. «Неужели один из основных конкурентов выбыл из борьбы?» — подумал он.

Копьеметатели не любят, когда ветер дует в спину: нет дополнительной подъемной силы, снаряд становится капризным. А в этот день ветер именно так и дул, и это, видимо, сказалось на результатах. В предварительных соревнованиях каждому участнику дается по три попытки, только восемь лучших могут продолжить борьбу в финале, а в первой попытке В. Ханиш послал снаряд на 86,72 метра, наш Х. Пуусте — на 86,10, почти столько же показал другой советский спортсмен — А. Макаров.

Конечно, это только прелюдия. С этой мыслью вышел на старт Кула. Он не спеша снял костюм, взял копье и не смог использовать первой попытки. А потом и вторая попытка оказалась тщетной. Не «попав в копье», Дайнис показал всего лишь 75 метров, что, разумеется, не могло служить пропуском в финал. И вот последний шанс. Последняя попытка, дававшая Дайнису возможность продолжить борьбу за медали.

Истекали отведенные на попытку две минуты, о чем настойчиво напоминали мелькавшие на электронном табло цифры, но Дайнис словно забыл про ход времени. Замерев с копьем в руке, он отрешенно глядел вперед. Оставалось восемь секунд. «Ну, что же ты!» — чуть было не крикнул Грива... В этот момент Дайнис начал разбег. Может быть, впервые за многие годы их совместного труда Грива не анализировал движений ученика, не ловил ошибки. Он просто ждал, просто верил. И вот снаряд взмыл в воздух и улетел почти к 90-метровой черте.

«Все в порядке!» Грива медленно опустился на скамью и еще долго не мог отдышаться. А ведь главное теперь было впереди — финал.

Сможет ли теперь Кула, затратив на первые три попытки столько сил и нервов, показать высокий результат? Автор этих строк, сидевший напротив сектора для метания копья, признаться, в этом сомневался. Не попал в финал Ф. Параги, еле пробился в восьмерку М. Немет, но это все не упрощало обстановку, а еще больше запутывало ее. Так считали зрители, журналисты, но не Кула. Об этом я узнал от него самого уже после соревнований.

Две неудачи отнюдь не вывели его из равновесия, он знал: сейчас все получится. А выйдя на старт третьей предварительной попытки, про электронное информационное табло просто забыл, рисуя в памяти один лишь образ движения.

Теперь, завоевав место в финальной восьмерке, Дайнис был уверен, что в первой же попытке отправит копье далеко. Так оно и вышло. Результат Кулы — 91 метр 20 сантиметров — никто уже улучшить не смог. Серебряный призер А. Макаров проиграл ему более полутора метров.

И вот уже два года прошло с того дня. Марис Грива и Дайнис Кула продолжают свой поиск. За это время они уже в третий раз успели в корне изменить технику броска. Но зачем же от добра искать добра? К чему перекраивать технику, которая принесла спортсмену олимпийское золото?

Марис объясняет это так. Олимпийская техника Дайниса оказалась неустойчивой. Нужна была другая, стабильная.

Стабильность в метании копья вообще проблема из проблем. В одних и тех же соревнованиях даже опытный спортсмен может послать снаряд на 90 метров, а уже в следующей попытке—метров на пятнадцать ближе. Стоит лишь на какой-то сантиметр увести локоть вправо.

Копьеметатель завершает свой разбег специальными бросковыми шагами. Сколько их должно быть? Традиционно — шесть. На Олимпиаде в разбеге Дайниса было шесть, а вот недавно он перешел на семь шагов. Стабильность и еще раз стабильность — вот сейчас главная его задача. И, судя по всему, она решается успешно. Уже в первом послеолимпийском сезоне Дайнис выступил без срывов, победил в Кубке мира, на Всемирной универсиаде, на нескольких крупных международных матчах, выиграл чемпионат страны. Дважды — в Чехословакии и Румынии,— разминаясь перед соревнованиями, Дайнис посылал снаряд на 94—95 метров, но, когда наступал час борьбы, он уже был не тот. И тренер сердился, выговаривал: «Зачем зря тратил заряд?»

Уже много лет не выступает в соревнованиях заслуженный тренер СССР Марис Павлович Грива. Но когда вместе с учеником входит в сектор и берется за копье, то летит оно так же далеко, как и в лучшие его годы. Конечно, силы у Мариса уже не те, но их все же достаточно, чтобы раскрыть ученику противоречивый и зыбкий образ движения.

В нынешнем году Дайнис Кула победил на мемориале братьев Знаменских в Москве, затем в США, на матче СССР—США. Главная же цель сезона — выиграть чемпионат Европы, который состоится в сентябре в Афинах.

Мировой рекорд Ф. Параги все тот же — он равен 96,72 метра. Посягнет ли на него Дайнис? Грива уверен, что это в его силах.

Фото А. Бочинина

КОГДА ПОДХ

Василий ЗАХАРЧЕНКО

СТАРОМУ НАБОРЩИКУ

Мой старый друг,
ты отливаешь строки
Моих стихов.
О, если бы ты знал,
Что для меня,
когда подходят сроки,
Вот это превращение в металл.
Над линотипом
молча и сурово
Ты чудо совершаешь,
мой отец.
Тончайшее
и трепетное слово
Ты превращаешь запросто в свинец.
Была война.
О бронзе монументов,
Полумальчишка,
разве я мечтал?
А вот сегодня,
пользуясь моментом,
Я жду строку,
отлитую в металл.
Не памятник,
не обелиск,
а это...
Строка нужна...
Ты слышишь,
помоги
Слова такие
сотворить поэту,
Чтобы от них
шарахались враги.
Чтоб, как металл,
звучало бы свинцово,
В лицо врага
нацеленное слово.

ВИНОГРАДАРЬ

Он стар уже. Перебесился вроде.
Перекипел. Перебродил давно.
И за него теперь в бочонке бродит
Еще не добродившее вино.
Такие благодарности не ищут,
Гостям хмельные радости даря.
Добры, тяжелые, как корневища,
Тугие пальцы виноградаря.
И весело хохочет у бочонка
Какая-то заезжая девчонка.
И парень, молодым вином согретый,
Пускает дым от модной сигареты:
— Смотри, отец, как бы твое винишко
На девочку не повлияло слишком!
Старик молчит. Усы улыбкой режет,
С годами не успев закостенеть.
А сам бросает взгляд почти небрежно
На выцветшее фото на стене.
Каким он был тогда молодцеватым,
Простым солдатом в мае,
в сорок пятом!
Как на груди его тогда сияли
Еще не потускневшие медали!
И как глаза он пялил на девчат,
Пройдя с боями весь кромешный ад,
Чтоб никогда ребята не видали
Того, что взяли пройденные дали.
Чтоб никогда ребята не хлебнули,
Что довелось ему, идя под пули.
— А ну, сынок, еще один глоток —
Смотри, как бродит виноградный сок!..
Когда бы мне вот так, неторопливо,
Как виноградарь, зачерпнуть со дна
Для незнакомой юности, счастливой,
Пускай строку, но моего
вина!

ЦЕНА КРАСОТЫ

У балерины
капли пота...
Казалось,
лошадью,
в галоп
Непостижимую работу
Она закончила...
И в лоб
Вдруг подступившая усталость
Ее свалила наповал.
А зал
кричал.
Ему казалось:
Какая легкость!
Зал не знал,
В восторженном ослепнув раже,
Что значит
труд...
И неспроста
Он в этот миг
не вспомнил даже,
Что стоит эта красота.

ПОЛУПРОВОДНИКИ

О, сколько раз
меня проводники
Вели вперед
по жизненным распутьям.
Тепло
доброжелательной руки,
Походных карт
цветастые лоскутья,
Совета
негасимый огонек
В дыму
полупотухшей папиросы —
Я просто так
их позабыть не смог,
Когда бы
не проклятые вопросы.
Но есть один,
и он не зря возник:
Уж больно часто
видишь в нашу пору —
Не проводник,
а полупроводник,
Полутоварищ,
полудруг
и полу-
Подлец.
С таким якшаться
не с руки.
А тянется —
небось, дружить охота.
Ох, эти мне
полупроводники —
Уж слишком много вас
на одного-то!
Не выбьешься
из вашей суеты,
Забудешь с вами
жизненную школу
И станешь сам
не человеком ты,
А полу...
Понимаешь, полу...

АЛЛЕЯ НЕВЕРНУВШИХСЯ

Есть в городе
Зугдиди «Аллея не вернувшихся
с войны».

В сентябрьском пожарище алея,—
Как новобранцы,
тополя стройны —
Уходит в небо
грустная аллея —
Аллея не вернувшихся с войны.
Здесь имена бессмертны,
как скрижали.
Здесь выбиты рождения
года.
Здесь встреча тех,
кто смерти не бежали
И больше не вернутся
никогда.
Приди сюда,
моя былая юность.
Вернись,
ну хоть на сутки.
Хоть на час!
Я б отдал все,
чтоб только ты вернулась
Взглянуть
на сохранившихся,
на нас.
Приди сюда
неведомо откуда
Любовь —
неоперившийся птенец,
Та, первая,
открывшая мне чудо
Взаимообладания сердец.
Открой, аллея,
крохотную дверцу,
Чтобы могли
воспользоваться ей
Друзья-мечтатели,
мои единоверцы
Из огарево-герценовских дней.
Издалека, из трепетного
детства,
Где были счастливы
когда-то ты и я.
Где мы не торопились отсидеться
За суетной громадой
бытия.
Судьба по сердцу
била, не жалея,
Остатки доброты
испепеля.
Вернитесь
на бессмертия аллею,
Учившие добру
учителя!
Ведь вы-то знали...
Как же вы умели
Из сердца высечь
искры доброты!
Как зажигали свет
великой цели,
Расправив крылья хрупкие
мечты.
Но юности года невозвратимы,
В какие ткани
память ни ряди,
Как поезда, промчавшиеся мимо,
Воспоминаний грохот
позади.

ОДЯТ СРОКИ

БРАТУ ПО РАЗУМУ

Здорово, брат дельфин!
Прости, иначе
Не знаю даже,
как тебя назвать.
Такой загадкой
нас ты озадачил,
Что до сих пор
гадать — не разгадать.
Подумать только,
у тебя есть разум —
Инстинктами его не подменять.
Пускай другие жмутся,
я-то сразу
Усвоил — ты разумнее меня.
Всегда кричу,
доказываю шумно.
Всем достается —
вдоль и поперек.
А ты, мудрец,
молчишь благоразумно —
Словечка понапрасну не изрек.
Ершусь зачем-то.
Как подводный камень,
Мешаю всем.
А ты, подводный бог,
Улыбчив
и предельно обтекаем —
Противник треволнений
и тревог.
Теряя массу времени задаром,
Слепым котенком
тычусь в темноте.
А у тебя
с естественным радаром,
Как говорят,
возможности не те.
Так научи
гармонии движений,
Открой секрет,
коли тебе он дан,
Премудрости
извечных погружений
В неумолимой жизни океан!

ЧАЙКИ НА БЕРЕГУ

На берегу,
совсем как на параде,
Гуляют чайки
в несколько рядов
И оставляют
на песчаной глади
Отчетливые стрелочки следов.
Иду по стрелке —
поворот направо.
Идти налево,
стрелка говорит.
Какой ты, братец,
бестолковый, право,
Пройти не можешь
чертов лабиринт.
— Что, заблудился?
Накрутил немножко?
Куда теперь
и для чего идти?
Так неужели и твоя дорожка,
Что стрелки,— только видимость пути?
Но я ловлю
твоих следов зачатки —
Чуть влажные,
но внятные следы —
Несмытые
прибоем отпечатки,
Где шаг один
от счастья до беды...
Где путь
по тонким стрелкам на песке,
Сама судьба —
увы, на волоске.

О ДОБРОТЕ

Наш век жесток —
все ценит по затратам.
Все — даже чувства...
Веку по плечу
Огонь напалма,
сумасшедший атом
И кибернетика стандартных чувств.
Он бросил в космос
человечий разум,
Генетику поднял на высоту.

Но я боюсь,
наш щедрый век
ни разу
Не вспомнил про святую доброту.
А надо бы...
Средь суеты кричащей,
Среди многоэтажной тесноты
Стал замечать
все пристальней, все чаще,
Как мало остается доброты.
Ее мы людям
раздаем нешибко.
Да и сама она
уже не та.
Как девочка
с застенчивой улыбкой,
Торопится по свету
доброта.
Она в любые двери постучится.
Откроет все
английские замки,
Наивная,
в халатике из ситца,
С глазами синими,
как васильки.
Нам что-то пробормочет,
проворкует,
Прижмется к сердцу,
чтоб заворожить.
Я долго ждал.
Я так хотел такую,
Беспомощную,
нежную, простую,
Чтоб снова верить,
трепетать и жить.
Ведь доброта
не ждет вознагражденья.
Подачек ей не принято совать.
Она святая
и не стоит денег —
Сама найдет поступки и слова.
Что мир жестокий
по сравненью с нею,
Когда внезапно
понимаешь ты:
Все страхи века нашего бледнеют
Под неподкупным
взглядом доброты.

О ЧЕСТИ

Мужская честь...
Не верь иным рассказам —
Была и есть.
Ее не подменять!
Бывает все ж...
Подонок,
безнаказан,
Кропает анонимку на меня.
Все видят.
И молчат, приняв на веру.
Все с рук порою сходит подлецу.
Его б не так —
по-пушкински:
— К барьеру! —
Развернутой перчаткой по лицу!..
Но век иной...
Друзья или подружки
Обидчика молчанием спасут.
Я не могу представить,
чтобы Пушкин
Во гневе подал
на Дантеса в суд.
Честь Натали спасать,
а не карьеру
Под светское хихиканье и смех.
Поэт
Дантеса волочит
к барьеру,

Но, обреченный,
падает на снег.
Ну, а сейчас?
Как все это знакомо!
Ты оскорблен.
Невыносимо жить.
А сверхгуманный
деятель месткома
Тебя с мерзавцем
тщится примирить.
Советует тебе:
иди судиться.
Пиши в верха
от третьего лица.
Хотя давно пора,
как говорится,
К барьеру
припечатать подлеца!
О чести незапятнанной
радея,
Хочу запомнить
на остаток лет:
В поту
какой-нибудь Олег Сергеич
Трусливо
опускает пистолет,
Вот так...
И ни одной обиды мимо!
Чтоб попранную совесть расковать,
Вы как хотите —
я неотвратимо
По-пушкински
желаю рисковать.
Напомнить кой-кому
не преминуло,
Что каждый может
в свой урочный час,
Презреньем слова,
втиснутого в дуло,
Всадить свинец
промеж бесстыжих глаз.

МЕЧТА

Давай без лжи,
Давай попроще,
Как поле ржи
У дальней рощи.
Как море света
Над головою.
Что вся планета —
Для нас с тобою,
Вся красота
И простота,
Вся высота
И чистота.
Искать основ
Почти в отчаянье
Без лишних слов
И обещаний.
Найти и вдруг
Все сделать чище,
Чтоб мир вокруг,
Раскрыв глазищи,
Глядел в упор...
Мы на планете
С недавних пор,
Почти как дети,
Найдя мечту,
Мы величаво
На чистоту
Вернули право.

Начало см. на стр. 1.

Житомирский эксперимент

пыто обидно скользит по выскобленному деревянному настилу...

Мы находимся в уникальном селекционном центре крупного рогатого скота, созданном на Житомирщине при Научно-исследовательском институте Нечерноземной зоны УССР, в селе Грозино Коростенского района. Оригинальность системы, разработанной украинскими учеными, состоит в том, что они замкнули весь цикл выращивания, испытания и оценки быков, создав комплекс селекционных предприятий. В Советском Союзе такая система создана и внедрена впервые.

Рассказать о работе центра и о том, как он создавался, мы попросили председателя Житомирского областного Совета народных депутатов, депутата Верховного Совета УССР, кандидата экономических наук Василия Николаевича Ямчинского. Он один из авторов программы крупномасштабной селекции молочного скота, инициатор создания самого центра.

— Еще восемь—десять лет назад основной породой в хозяйствах области был местный белоголовый скот,— рассказывает В. Н. Ямчинский.— Создавался он в экстенсивных условиях содержания и кормления. Я хорошо знаю возможности коров этой породы. Сам долгое время работал после института зоотехником в колхозе «Перемога», Андрушевского района. Молока они дают мало, форма вымени плохо приспособлена к машинному доению. Мы понимали: чтобы увеличить производство молока, мяса, путь один — повышение продуктивности скота, специализация, концентрация животноводства, перевод его на промышленную основу. А поскольку местная порода мало пригодна для дальнейшего использования, возникла необходимость замены его на более прогрессивную. Инициативные руководители хозяйств, которые не побоялись вполне понятного риска, начали сами завозить породистых черно-пестрых коров из Прибалтики и Подмосковья. И не прогадали. В хозяйствах Житомирщины от черно-пестрых коров получали на четыреста килограммов молока больше, чем от их белоголовых украинских сверстниц.

Итак, необходимо было заменить все дойное стадо области черно-пестрой породой. Как это сделать? Можно, конечно, было завезти коров для нескольких колхозов, совхозов, но укомплектовать девятьсот пятьдесят ферм области невозможно: это и дорого и долго. Выход один — разводить эту породу: завести племенных черно-пестрых быков, чтобы в течение нескольких лет их потомки поглотили местную белоголовую породу.

— Но заменить одну породу на другую — лишь половина дела,— продолжает Ямчинский.— Еще Дарвин обратил внимание на тот факт, что высокопородистые животные, будучи оставлены без внимания, вскоре вырождаются. Ученый имел в виду последствия прекращения искусственного отбора. Ясно, что потребуется непрерывная селекционная работа над повышением продуктивных и племенных качеств животных.

— А до этого в области велась селекционная работа?

— Племенные станции у нас, конечно, были. Но приедешь в хозяйство, где есть коровы, дающие по две с половиной — три тысячи килограммов молока, и спросишь зоотехника: «А какая родословная у твоей Зорьки?» Тот плечами пожимает, смущенно улыбается — не знает. Впрочем, это неудивительно. Племенная работа на Житомирщине была не на высоте. И поэтому продуктивность областного стада коров практически не росла. Правда, зоотехники некоторых хозяйств, например, Николай Степанович Дупляк, пытались наладить у себя селекционное дело, но много ли достигнешь в одиночку, да еще когда других забот хватает. Кроме того, селекционное дело требует солидной научной базы. Эти мысли не давали покоя и зоотехникам и партийному и хозяйственному руководству области... Помогли нам ученые и специалисты Украинского научно-исследовательского института разведения и искусственного осеменения крупного рогатого скота, научно-исследовательского института животноводства Лесостепи и Полесья Украины, Всесоюзного института животноводства ВАСХНИЛ.

— Во сколько обошлось создание и строительство селекционного центра, и как скоро он окупится? Можно ли подвести предварительные итоги его работы?

— Стоимость всего селекционного центра двенадцать миллионов рублей. Солидная сумма, не правда ли? Но жалеть денег на науку не следует. Наши ученые уже просчитали на ЭВМ оптимальный вариант программы — только за счет селекции удои будут возрастать ежегодно на 30—35 килограммов молока от коровы, а в денежном выражении это те же двенадцать миллионов.

Значительно повысился генетический потенциал молочной и мясной продуктивности, позволяющий уже сейчас получать на большинстве ферм по 3000 и более килограммов молока от коровы в год. И еще важный результат. Заслуженный зоотехник республики Дупляк, теперь он директор совхоза «Рея», за короткий срок построил современный комплекс на 800 коров. И в тесном производственном контакте с селекционным центром формирует высокопродуктивное стадо, способное уже в ближайшие два года выйти на рубеж 4000 и более килограммов молока от одной коровы в год.

Разумеется, проблем еще много. До сих пор плохо обеспечиваются фермы области кормами. Совершенно недостаточно получаем минеральных удобрений под кормовые культуры и особенно для улучшения лугов и пастбищ, не хватает кормоуборочной техники. Область нуждается в значительном увеличении объемов мелиоративных работ. Поэтому в центре внимания партийных, советских и хозяйственных органов осуществление разработанного в области комплексного плана увеличения производства, повышения качества и улучшения использования кормов. Уверен, что и эту проблему решим. Главное, что за последние годы многое сделано по укреплению материально-технической базы животноводства, создан хороший научно-производственный потенциал для качественного улучшения стада.

Еще до беседы с Василием Николаевичем мы осмотрели селекционный центр. Четыре больших полностью механизированных комплекса закрытого типа. Чистота, ухоженные газоны, посадки фруктовых деревьев, отсутствие характерного для животноводческих ферм запаха.

В кормовых зонах комплексов сооружены современные хранилища. На небольшой площади сосредоточен годовой запас кормов для всего комплекса. Здесь же находятся цеха для механизированного приготовления кормовых смесей, положенных животным по рациону, механизирована и их раздача.

В деле успешного претворения в жизнь задач Продовольственной программы селекционному центру принадлежит ведущее место в области. И не только в области,— опыт житомирских селекционеров одобрен Центральным Комитетом Коммунистической партии Украины, а также Министерством сельского хозяйства СССР и рекомендован к внедрению в других республиках, краях и областях.

СПОРТ - НАРОДУ

Что объединяет всех этих людей, жителей подмосковного города Калининграда? Для чего они собрались все вместе в этот жаркий день? Чем собираются заняться? Ответ однословен. Бегом. Неутомимое движение — это их отдых, это их увлечение, это их радость. Все они — члены клуба бега «Муравей» — рядовые физкультурники Страны Советов.

Клуб бега... Еще лет семь-восемь назад не было таких клубов. Они возникли за это время в результате самодеятельности — сперва в Ленинграде, а затем во многих других городах, и среди них калининградский «Муравей» был одним из зачинателей. Сейчас в стране свыше ста клубов бега. Вот что рассказал нам председатель совета клуба «Муравей» Владимир Петрович Волков:

— Наш клуб зародился летом 1976 года, и на первую тренировку пришло четыре человека. Но уже в следующем году мы провели пробег памяти академика С. П. Королева, в котором приняли участие 39 человек, во втором пробеге участвовали 258 человек и притом гости из сорока трех городов и поселков нашей страны, а в третьем—761 человек из 81 города.

К нам в клуб приходят люди разных возрастов, различной физической подготовки, и в зависимости от этого они распределяются по группам. Цель клуба — с помощью оздоровительного бега улучшить здоровье людей. Наш девиз: «Ты бегаешь, тебе хорошо. Приведи своего товарища. Пусть и ему будет хорошо».

Теперь бегом занимаются и наши дети. В прошлом году открылась спортивная школа «Муравейчик». Тренеры этой школы сами родители.

Мы тренируемся четыре раза в неделю. Ну, а те, кто хочет бегать на уровне первого разряда, занимаются еще чаще...

* * *

Конечно же, Всесоюзный день физкультурника — это праздник и членов клуба «Муравей» и многих других самодеятельных клубов, само появление и работа которых говорят о том, что физкультура и спорт в нашей стране стали поистине делом всенародным.

Всесоюзный день физкультурника — это давний, традиционный праздник, имеющий уже большую и славную историю, а теперь у нас в стране стали проводиться и День бегуна, и День пловца, и День лыжника.

В нынешнем году физкультурный праздник совпал с еще одной знаменательной датой — тридцатилетней годовщиной участия советских спортсменов в Олимпийских играх. И это соседство двух дат символично. Для того, чтобы наша страна могла послать на восемь летних и семь зимних Олимпийских игр 2500 отлично подготовленных спортсменов, завоевавших 1018 олимпийских медалей, надо было на деле осуществить главный лозунг нашего физкультурного движения — массовость и мастерство.

В Советском Союзе физической культурой и спортом занимаются более 80 миллионов человек. В стране культивируется 70 видов спорта, в том числе все олимпийские...

В стране действует 237 600 коллективов физкультуры. 28 миллионов 900 тысяч человек сдали в 1981 году нормы на значок ГТО. 12 миллионов 500 тысяч человек занимаются в группах общефизической подготовки. Действуют 6700 детско-юношеских спортивных школ и 3200 специализированных классов спортивного профиля. В XI пятилетке запланирован охват различными формами занятий физической культурой (группы общефизической подготовки, ГТО, физкультурно-оздоровительные клубы) около 90 миллионов человек.

А. Икрамджанов. Род. 1952. АВТОПОРТРЕТ. 1981.

А. Волков. Род. 1948. РАССВЕТ. (Часть триптиха). 1982.

ЭТО СТРАННОЕ СЛОВО «ВНЕДРЕНИЕ»

Сергей МАРКОВ

Решающий, наиболее острый участок сегодня — внедрение научных открытий и изобретений. Научно-исследовательские и проектно-конструкторские работы следует теснее сомкнуть — экономически и организационно — с производством.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на XXVI съезде КПСС.

— В идеале мы должны вообще исключить из нашего лексикона это странное, если вдуматься, слово — «внедрение». Если выгодно во всех отношениях, то почему, собственно, надо внедрять, «пробивать»? — говорил мне вице-президент Академии наук Литовской ССР Альгирдас Альфонсович Жукаускас.— Но пока до идеала нам еще, мягко говоря, далековато. А стремиться к нему надо. Надо сделать так, чтобы практика заинтересовалась теорией, производственники стали заинтересованными в науке лицами.

Это всем понятно, но это и есть самое сложное. Как заинтересовать, как доказать выгоду того или другого открытия? Мы решили строить так называемые «внедренческие цехи» — опытные базы, где новые идеи и разработки получали бы материальное воплощение. Прошло определенное время — выгода от этих экспериментальных баз уже безусловна. Но и не без проблем, конечно, не без трудностей...

...По экспериментальной базе Института химии и химической технологии, одного из старейших и крупнейших в Литве, мы ходим с директором института академиком Литовской академии наук Романасом Миколовичем Вишомирскисом.

Построена база сравнительно недавно. Чистые, просторные, прекрасно оборудованные цеха, отделения, станции, лаборатории, сразу чувствуется атмосфера заинтересованности, четкого рабочего ритма... Если раньше внедрение какого-либо изобретения или разработки занимало пять, шесть, а то и больше лет, то теперь благодаря экспериментальной базе максимум полтора-два года.

Можно сказать, что основное дело института — гальванотехника. Защита одного металла от коррозии покрытием из другого, нержавеющего металла, например, железа — тонким слоем цинка. У нас в стране больше четырех тысяч предприятий применяют гальванотехнику.

В Институт химии и химической технологии с Волжского автомобильного завода поступил заказ на создание так называемой антипитинговой добавки, необходимой для блестящего никелирования. Раньше эту добавку мы покупали на валюту за границей, в ФРГ. В начале прошлого года ученые института разработали эту добавку, на своей экспериментальной базе испытали, изготовили опытно-промышленную партию, отправили ее на ВАЗ — и добавка была внедрена в производство, автомобильный завод полностью отказался от закупок за границей.

Что ж, победа?

Но не отметили ее даже ученые, которые, казалось бы, сделали все от них зависящее. Выяснилось, что Министерство химической промышленности СССР не справилось с целевой комплексной программой, верней сказать, со своей частью программы; не был четко определен завод для выпуска этой добавки, одно не сходилось с другим... Короче, год потерян. А Волжский автомобильный завод караул кричит и рассылает телеграммы: мол, все остановится!

И вот вместо того, чтобы идти вперед, делать что-то новое, институту и его экспериментальной базе, совсем для другого созданной, приходится уже в промышленных масштабах производить созданную (выходит, на свою голову?) антипитинговую добавку.

— Можно еще привести пример неслаженности, непрочности цепочки «институт—база — завод»,— говорит Р. М. Вишомирскис.— От Горьковского автомобильного завода мы получили заказ на создание и внедрение нового процесса хромирования, который может проводиться при обыкновенной комнатной температуре, имеет высокую коррозийную стойкость. Здесь мы отработали технологические режимы, методы изготовления добавки, технические условия процесса... Сделали опытную партию — и внедрили в производство на ГАЗе. Теперь также будет вестись хромирование и на ВАЗе и на других заводах... Но кто будет поставлять этим заводам материал, сотни и сотни тонн? Необходимо хоть один завод специализировать на выпуске блескообразующих добавок и других материалов для гальванотехники. Нуждающихся много — в то же время никому вроде бы и не нужно.

Это клубок, который размотать практически очень трудно. Завод ссылается на другой завод, одно ведомство жалуется на второе, министерство винит другие мощные организации, обрушиваются на завод, или на... «стрелочника». И приходится изворачиваться, ловчить, если не хочешь, чтобы работы твои канули в небытие,— приходится тратить нервы, здоровье, жизнь...

— Проблема эта — межведомственность,— говорил вице-президент А. А. Жукаускас,— когда зависишь сразу от многих и многих, от чужих планов, их выполнения, даже от настроений чужих,—серьезнейшая, труднейшая проблема. Ее необходимо решить. Мне думается, любопытен в этом смысле небольшой, но все-таки уже опыт научно-производственного комплекса «Электроника». В него входит двенадцать разных предприятий и институтов: университет, завод «Экранас», политехнический институт, Шяуляйский телевизионный завод... Головным является Институт физики полупроводников Академии наук.

Комплексом руководит не директор, не ректор, не даже один из министров — руководит советом научно-производственного комплекса секретарь ЦК Коммунистической партии Литвы А. Бразаускас. А это значит, что можно решать самые крупные, во всесоюзном масштабе задачи. Заместитель председателя — вице-президент Академии наук Литвы Ю. Пожела.

Я беседую с Дональдасом Юозаповичем Занявичусом, заместителем директора Института физики полупроводников и одновременно секретарем комплекса «Электроника».

— Обычно как ведь: если станкостроителям, например, необходима какая-нибудь электронная схема, то нужно долгие месяцы, а то и годы обивать пороги министерств, горы бумаги извести — заявления, прошения, обоснования... — говорит Занявичус.— А в научно-производственном комплексе «Электроника» мы разработали схему для измерительных машин в станкостроительной промышленности меньше чем за год. Скоро начнется их серийное производство. Чистый экономический эффект от этих приборов — больше трех миллионов рублей в год. Будут применяться они для измерительных машин, станков с цифровым программным управлением, при создании точных роботов...

Еще пример. Печатные платы телевизоров и передвижных телевизионных устройств, собираемых на Шяуляйском телевизионном заводе, требуют точной проверки правильности всех параметров, сборки... Их собственные приборы для проверки неточны и малопроизводительны. Так вот благодаря созданному комплексу теперь эти контрольные устройства разрабатываются в институте на базе микропроцессоров. Мы-то профессионалы в полупроводниках, у нас эти контрольные устройства выходят лучше.

...Весь день мы ездили с Занявичусом по Вильнюсу, встречались с университетскими профессорами и главными инженерами заводов, сидели на заседании парткома, слушали доклад одной ревизионной комиссии.

И у меня сложилось такое впечатление, что научно-производственный комплекс (кстати, один из первых и совсем еще немногих в стране) добился главного — преодолел или, во всяком случае, преодолевает разобщенность, причем не только между теоретиками и практиками, но даже и внутри самой науки.

Ну, а чтобы получить какую-нибудь необходимую мелкую деталь, не нужно теперь (бывают, конечно, и исключения, но они только подтверждают правило) за тысячи километров посылать «челобитные», можно и самому договориться с тем, с кем познакомился вчера на одной из встреч— деловых или не слишком.

Почти во всех своих областях наука в республике точно нацелена на практику. Институт биохимии, например, исследует некоторые закономерности лейкоза животных, то есть опухолевого заболевания кроветворной ткани. На основе этих исследований в нескольких хозяйствах Шяуляйской зоны применены меры борьбы с лейкозом крупного рогатого скота. Биохимики создали немало противораковых препаратов, которые уже производятся.

Институт ботаники подготовил для Каунасского завода искусственного волокна методы очистки кондиционной воздушной системы, которые сэкономят десятки тысяч рублей. Кедайняйскому сахарному заводу и другим предприятиям предложен новый метод очистки сточных вод с использованием хлореллы. Работают ученые над повышением урожайности некоторых сельскохозяйственных культур, например, клевера.

Ученые Института зоологии и паразитологии подготовили методические разработки, указания для разумного использования рыбных запасов водохранилищ.

В Институте философии, социологии и права создана типовая методика социального планирования городов, которая использовалась и используется при составлении планов экономического и социального развития.

— Главная форма связи академических институтов с практикой,— говорил А. А. Жукаускас,— хозяйственный договор. Почти половина всех договоров у нас заключена со всесоюзными организациями и предприятиями. Значительная часть — со странами, входящими в СЭВ...

Давно уже говорится о необходимости четко определить систему стимулирования, юридически упорядочить деятельность хозрасчетных производственных предприятий, обслуживающих институты и производящих товарную продукцию. Фонд их заработной платы, конечно, не должен формироваться за счет науки, заботиться об их прибыли должны соответствующие отрасли промышленности.

Во многих вузах страны вполне и довольно давно уже себя оправдала дополнительная оплата труда преподавателей, ведущих хоздоговорные исследования. Может быть, имеет смысл ввести это и в академических институтах?

Анатолий ИВАНОВ

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

ПОВЕСТЬ О НЕСБ

4

Осеннее утро было довольно свежим, даже холодным, дальние концы белоярских улиц тонули в тумане. Туман стоял хотя и не очень плотный, но, казалось Чернышову, был насыщен непомерно крупными водяными каплями, которые не могли держаться в воздухе и оседали на желтых листьях деревьев, на оконных стеклах, скатывались с железных и шиферных крыш на землю. Эти падающие с крыш капли, кажется, болью отдавались в сердце Чернышова и вызывали невеселые мысли о ненадежности, да и о никчемности человеческой жизни.

Райкомовская «Волга» быстро вынесла их с Сапожниковым из Белоярки, покатила мимо убранных уже хлебных полей, беспорядочно, вкривь и вкось разбросанных между пологи́ми холмами, каменистые вершины которых были покрыты зарослями таволожника и разной жимолости. Когда-то в Белоярском районе распахивались только самые удобные и продуктивные равнинные земли, а у подножий холмов и по их склонам обычно паслись колхозные стада. Так было до войны и долгое время еще после войны. Холмы вытаивали из-под снега уже во второй половине марта, компании деревенских ребятишек часто взбирались на вытаявшие, еще мокрые, но уже зеленеющие места, устраивали шумные игры. Но Валька Чернышов больше любил бывать где-нибудь там один. Иногда он, выбрав место посуше, сидел в одиночестве до вечера, смотрел, как все более чернеют мокрые снега, лежащие вокруг холмов, как зажигаются тусклые керосиновые огни в молчаливой и угрюмой Белоярке. Село было недалеко, но проколоть сгущающуюся темень слабым огонькам было все равно нелегко, и они мерцали, казалось, из самых последних сил, но окончательно все-таки не исчезали.

А где-то в середине пятидесятых, когда повсюду распахивали целину, пашни начали подступать здесь к самым холмам, потом полезли наверх, стали прилипать к отлогим склонам кривыми заплатами. Земля была там каменистой, но поначалу давала хоть и не высокие, но сходные урожаи. Сейчас эти пашни стали совсем скудными, в иные годы, когда в мае не выпадало достаточных осадков, не давали ничего, ибо к июню посевы выгорали начисто. Таких годов в последние полтора десятилетия было больше десяти, семена, горючее, человеческий труд тратились впустую,

Продолжение. См. «Огонек» № 32.

всем это было ясно в районе и области, тут и там Чернышов неоднократно заводил разговор о нецелесообразности сохранения пашен по склонам холмов, разговор этот и областному и районному начальству был неприятен, ему отвечали, что в общем-то, конечно, на холмах сеять не надо бы, да теперь никто не разрешит сократить посевные площади.

— Что ж нынче, уродили эти пашни? — спросил Чернышов, кивнув на холмы.

Сапожников всю дорогу был задумчив и теперь вроде не расслышал вопроса, промолчал. Райкомовский шофер, человек лет уже шестидесяти, седой и, как все водители начальственных автомобилей, совершенно неразговорчивый, на этот раз криво усмехнулся и произнес:

— Уродили... Семян и тех не собрали.

— Что же это мы тогда делаем, а? — произнес Чернышов таким тоном, будто делал выговор райкомовскому шоферу.— Земли эти только убыток дают. А мы их каждый год распахиваем, культивируем, засыпаем...

— Еще и удобряем,— сказал шофер.

— Как же это назвать?

— Как? — Шофер на секунду повернулся к Чернышову, сердито резанул его взглядом черных глаз из-под белых бровей.— Если бы не я возил начальство, а наоборот... так я бы сказал, как это называется.

И он так бросил вперед машину, что предупреждающе зазвенело что-то, может быть, железо расхлябанного капота, потом убавил скорость и уронил:

— Извините.

После этого ехали до самых Борисенковых прудов молча, все чувствовали себя как-то неловко, будто невзначай заговорили о непристойностях и вот, пристыженные за это друг другом, виновато умолкли.

Борисенковыми прудами издавна называлось мельничное водохранилище на степной речушке, протекающей километрах в десяти от районного центра. Водоем был один, но, разлившись меж холмов, он образовывал как бы несколько прудов, соединяемых узкими полосками воды.

Мельница была поставлена когда-то богатым белоярским купцом Борисенковым, откуда и название этого водоема. Обобществленная после революции, мельница еще долго служила людям, а потом, перед войной, в Белоярке был построен большой мельничный комбинат с элеватором, простенькая мельница могла бы еще не год и не два доброе дело делать, но была разобрана, крепкие сосновые бревна пошли на какой-то склад при том же комбинате.

Но все это было давно. Сейчас мельничная плотина, построенная когда-то из огромных лиственничных бревен и каменистой земли, воду не держала. Бревна окончательно еще не сгнили, но вода вымыла из обрешетки плотины землю, камни осели вниз, сквозь щели между бревен, покрытых зеленой слизью, беспрепятственно текла вода. Степная речка тоже сильно обмелела, лишь в весенние паводки бывшее водохранилище наполнялось доверху. Но когда таяние снегов прекращалось, уровень воды в Борисенковых прудах быстро понижался, и тогда прудов и в самом деле становилось несколько, ибо вода держалась только в самых низких местах.

Огнездье бывшей мельницы было заметно издали. В густых зарослях конопли и крапивы, покрывших бывшую мельничную усадьбу, торчали толстые черные бревна. Борисенков строил мельницу добротно, фундамент сделал из толстых, чуть ли не в полтора обхвата лиственниц, врыв их глубоко в землю торчком. На таком сплошном деревянном основании мельница сидела мягко, все сооружение тряски не боялось.

По старому взвозу, сейчас заросшему жесткой, высохшей уже травой и низкорослым кустарником, «Волга», подминая колесами ветки и сухие дудки, протиснулась к самому огнездью и остановилась перед стеной крапивы и конопли на довольно просторной поляне. Дальше ходу не было.

Чернышов и Сапожников вылезли из кабины, взяли из багажника рыболовные снасти и рюкзак, в котором лежал котелок для ухи, хлеб, чайник, пачка чая, несколько головок лука, соль да немного масла в пластмассовой коробке. Мария Ивановна пыталась положить туда еще отварную курицу, круг колбасы, кусок сала, но Чернышов воспротивился: «Что же мы за рыбаки, коли на уху не наловим себе?!» «Да уж наловите...» «Ну, голод не тетка, он заставит постараться. А то чаю вскипятим»... «Ну, старайтесь, ладно»,— сдалась Мария Ивановна.

— Вечерком, как приедете за нами, посигнальте отсюда погромче,— сказал Сапожников водителю.

— Посигналю,— сказал тот.

«Волга» развернулась и уехала, на поляне сразу стало пустынно и уныло. Чернышов сел на холодный и мокрый от росы, истертый жернов, торчащий из земли, стал тоскливо глядеть на гниющий в траве деревянный фундамент бывшей мельницы, слушать долетающий сюда шум падающей сквозь осклизлые бревна старой плотины воды. Шум был еле слышен, и Чернышов думал, что это, в сущности, последние отзвуки когда-то бурлившей тут жизни. Мальчишкой он не раз и не два бывал тут и отчетливо помнил, как весело крутилось за плотиной огромное, как мироздание, мельничное колесо, как гремели каменные жернова, стучали окованные железом колеса бричек, ржали лошади, взлетали под самые тучи человеческие голоса. Ничего этого здесь давно нет, и неясные звуки падающей малосильной воды вот-вот, кажется, затихнут совсем, умрут навсегда, а вместе с ними умрет и остановится вся жизнь, и даже тяжелый ветер, с разбега достигнув огнездья бывшей мельницы, остановится над ним, потеряет всякую силу и иссякнет намертво.

— Почему, почему все проходит бесследно? — вдруг с какой-то болью произнес Чернышов.

Сапожников сидел рядом и рылся в коробке с рыболовными принадлежностями, лежавшей у него на коленях. Подняв голову, он внимательно, с любопытством поглядел на Чернышова.

— Была вот мельница...

— А-а...— Сапожников еще порылся в коробке.— Чего это тебя такие философские мысли обуревают?

— Видно с того, что грустно... Была речка Белоярка... и исчезла. Была вот мельница... и нет ее...

— Был Александр Македонский — и нет его,— в тон ему сказал Сапожников.

— Ладно,— грустно рассмеялся Чернышов.— Тебе не понять моего состояния.

— Почему же,— возразил Сапожников.— Меня тоже посещают иногда такие мысли. Когда-нибудь вообще все пройдет, и жизнь на Земле закончится.

— Ради чего ж тогда жить?

— Да ради того, чтобы жизнь не кончилась.

— То есть... как же это?

— Люди, надо полагать, найдут какую-нибудь другую, пригодную для жизни планету.

— Фу ты, черт, договорились! — воскликнул Чернышов, вставая.— Ну, где удить будем? Что сейчас берет?

— На спиннинг может щука схватить. Попробуем пару закидушек бросить на налима, для насадки я несколько кусков мяса захватил. Хотя днем вряд ли он возьмет. А на удочку должен еще елец клевать. Ну и пескарь, конечно,— объяснил Сапожников.

— Давай мне удочку,— сказал Чернышов.

— Пескарь уже в глубокие ямы скатился, кучей стоит. Пойдем, я знаю где. По пути и червяков накопаем.

5

Елец не брал, а пескари клевали беспрерывно. Чернышов, сидя на теплой кучке соломы, взятой из копешки, которых поблизости от речки на убранном хлебном поле было навалено великое множество, дергал и дергал их из черного, покрытого туманной испариной омута. Небольшие, но сильные рыбешки, когда он их снимал с крючка, выгибались в его кулаке, холодили ладонь.

И вдруг ему как-то враз надоело это занятие, он положил удочку на зеленую еще здесь, в тени зарослей, траву, достал сигареты. Вдыхая едкий дым, морщился, но не от дыма, а от какого-то отчетливого недовольства собой. Ему казалось, что в нынешний приезд в Белоярку он ведет себя как-то несерьезно, несолидно, задает какие-то глупые, никчемные вопросы, вроде — почему, почему все проходит бесследно? Когда копали червей, он опять заговорил на эту тему. Без всякой на то причины раздраженно, будто даже сердясь на кого-то, воскликнул: «Скоро, Леня, и мы с тобой уйдем, как говорится, в мир иной, не оставив следа». «После тебя останутся твои книжки»,— откликнулся Сапожников. Чернышову опять послышалась насмешка в голосе Сапожникова, больно царапнуло это слово — книжки. «Мог бы ведь сказать — произведения, повести, в крайнем случае книги,— обиженно промолвил Чернышов, выбирая из черной земли красных дождевых червей.— А то — книжки». «Слушай, Валя! — рассердился Сапожников.— Что ты нынче такой приехал?» «Какой?» «Все тебе не так, все тебе не то! Что я ни скажу — тебе чудится в моих словах обидный смысл». «Извини. Конечно, книжки останутся, будут какое-то время жить. Недолгое...» Сапожников смотрел на Чернышова молча и недоброжелательно как-то, он стоял и вытирал руки пучком травы. Покончив с этим занятием, прежним тоном проговорил: «Вон на тот омуток садись. А я блесну сперва побросаю»...

День только начинался, и солнце едва пробивалось сквозь поредевшие деревья на берегах пруда, дымка над водой почти растаяла, лишь кое-где покачивались на черной глади неплотные дымные клочья, да и те становились все прозрачнее, все меньше. Так и жизнь, подумал снова Чернышов, истает и кончится. И чего он злится, что книги, которые он написал, ненадолго переживут его, что ж, значит, не сумел написать таких, которые волновали бы людей сильнее, а значит, и жили бы после него дольше. Да, не написал таких. А ведь мог бы, мог. Чернышов чувствовал это каким-то глубинным чутьем. Ведь он знал свой народ, его полную драм, трагедий, горя и крови историю. Говорят, история вместе с тем и героическая, ну да, это правильно, кто же с этим спорит, народ в конце концов добился социального освобождения, но какой ценой, какой ценой! Он, Чернышов, родился в деревне, в простой семье. И он знает, как не просто, как тяжко было жить простому человеку. Ведь что бы в обществе ни случалось, какие бы катаклизмы ни происходили — все ложилось на плечи простых людей. Русский человек сам по себе миролюбивый, добрый, доморитый, а цари часто заставляли его брать оружие, уходить из дома на войну, чаще всего абсолютно ему непонятную и не нужную, и, ожесточаясь в этой войне, гибнуть где-нибудь далеко за пределами родимой земли. А если, уцелев в очередной войне, он возвра-

ЫВШЕЙСЯ ЛЮБВИ

щался на родину, дома его ждала обнищавшая семья, беспросветная нужда. Поэтому и грянул семнадцатый год. Тут уж простой человек воевал за себя, но ведь это тоже были кровь, лишения, гибель многих. Потом — ожесточенная гражданская, после — беспощадная Отечественная! Какие события, какая история, действительно драматическая и героическая! Гибла одна социальная система, и рождалась другая, рушились вековые прежние устои жизни, и мучительно рождались новые принципы человеческих отношений, которые надо было отстаивать силой оружия. Какой драматизм человеческих отношений, какие судьбы ломались, какие человеческие характеры рождались в этом водовороте грозных противоречий и небывалых еще в человеческом обществе страстей!

Да, Чернышов все это знал, все понимал, нередко думал и не раз вслух высказывал мысль, что надо бы ему приняться за большой социально-исторический роман, но это были только мысли и слова, а сознание его больно угнетала мысль, что создать такое произведение он не в состоянии, не хватит, как говорится, пороха, к тому же его смертельно страшил объем работы — ведь это годы и годы непрерывного, изнуряющего труда. А тут еще Сеня Куприк, лучший друг, говорил примерно так: «Зачем квашню такую заводить, зачем тебе эта каторга? Самое милое дело — небольшая повесть. Несколько неделек — и испеклась. И ты вольная птица! Ты не успеешь глазом моргнуть, а я уж распечатаю ее в отрывках, прокручу в журнале, в трех-четырех издательствах. Это же, извиняюсь, деньги, деньги, деньги. А роман — дело громоздкое, на создание его уходят годы и годы. И потом — не модное сейчас это дело, роман».

И еще лучший друг Сеня говорил: «Ты должен чаще выходить к читателю с новыми вещами, о тебе постоянно должны критики шуметь, греметь, реветь!»

И он, Чернышов, беспрерывно писал повести. Он научился их выпекать, как выражался Сеня Куприк, из ничего, тот же Сеня, умная голова, и научил. «Ну, соображай,— говаривал он,— вот ситуация: муж, порядочный человек, хорошо зарабатывает, сам начальник и в бальшом фаворе у высшего руководства. И жена — честная баба, хотя и красивая. И вдруг влюбилась в другого, в офицерика. В семье драма, перерастающая в трагедию. Эта жена, как честная женщина, не в силах совладать со своей пагубной страстью, подвергает себя гибели. Что это, спрашиваю, такое?» «Ну, и что же это такое?»— спросил, в свою очередь, Чернышов. «Балда!— рассердился Куприк.— Это сюжет гениального романа «Анна Каренина». «Ну и что?»— еще раз проговорил Чернышов. «А то...— холодно и убийственно-снисходительно усмехнулся теперь Сеня Куприк на такую непонятливость.— А то, мой друг, что это универсальный сюжет. Его можно видоизменять до бесконечности. Муж может быть, скажем, и не порядочным, или мало зарабатывать, или неудачником, или бессребреником, или... Да мало ли каким он может быть. И жена может быть всякой — ветреной, бесплодной, жадной до денег, подозрительной, просто глупой. Или у нее могут быть больные родители, тщательно скрываемая внутренняя болезнь. У этой семьи могут быть или не быть дети, у каждого из супругов может обнаружиться побочное потомство или нехорошие, патологические наклонности. Боже мой, ведь это сотни, тысячи жизненных ситуаций, осложняемых до бесконечности какой-нибудь особенностью в характере одного из супругов, непредвиденным событием, случайным стечением обстоятельств. И не надо ничего особенного выдумывать. Советский быт в различных его проявлениях — это и есть социальность, это и есть история общества. Так что садись в кресло, только в жесткое, чтоб не насидеть геморрой, и пиши, пиши, пиши!»

Так учил Сеня Куприк. И Чернышов, бывало, и две и три повести в год выдавал, все они немедленно печатались в журналах, выходили в издательствах и по отдельности и в сборниках, в литературной печати беспрерывно появлялись хвалебные статьи. Чернышов настолько к этому привык, что уже ленился читать рецензии на свои повести, что пробегал лишь заголовки хвалебных статей, а до конца прочитывал лишь те, на которые указывал Сеня Куприк. По первоначалу он сам удивлялся своему, как писали критики, всепроникающему таланту, с помощью которого он легко и всесторонне исследует философию жизни человека двадцатого века, а его герои побеждают страсть во имя человечности и гражданского долга, что ему, Чернышову, почти всегда тесно в рамках взятого им самим времени, тесно вследствие того, что он большой, очень большой художник. Удивлялся, а потом привык, стал принимать это как должное. Тогда-то и стали появляться робкие мысли: а коли он такой художник, не раздвинуть ли ему эти рамки времени, не взяться ли за нечто эпическое? «От добра добра не ищут, Валенька,— говорил ему на это Сеня Куприк.— Что бы там ни толковали, Чехов прежде всего гениален как рассказчик. А ты, я осмелюсь высказать, выдающийся мастер повести. Смотри-ка, что пишут-то о тебе умные люди...»

Умные люди писали, что Чернышов в новой повести, как всегда, выражает с помощью конкретных образов общечеловеческое, философское содержание жизни, что судьба его очередного героя постигается им как момент вечности — ни более, ни менее.

...День все разгорался, редкие белые клочья тумана, недавно плававшие над черной водой, исчезли, сейчас по всей поверхности омута были рассыпаны солнечные блики, они, как большие золотые блюдца, покачивались, и казалось, вот-вот каждый из них зачерпнет воды и пойдет ко дну. Где-то по верхушкам древесных зарослей прошумел несильный ветер, просыпал в омут, на желтые блюдца, несколько десятков разнокалиберных листьев, тяжесть эта была невелика, но блюдца сильно закачались и вдруг исчезли, потонули — солнце закрыла набежавшая тучка.

Удочка сиротливо лежала рядом с Чернышовым, он покосился на нее, вздохнул, взял, начал выбирать из банки свежего червя. Насаживая его на крючок, думал, что тогда, тому уж давнее время, он принимал писания критиков за чистую монету, гордился собой, небрежно клал газету или журнал с хвалебной статьей перед Ниной, шутливо говоря: «Смотри-ка, чего твой муженек-то в литературе вытворяет». Она брала эту газету или журнал, подносила к самым глазам, потому что была близорука, а очков не носила, читала один-два абзаца и говорила, поднимая голову: «Боже мой, какой ты у меня, Чернышов, гениальный». А может быть, этих абзацев она и не читала, даже скорей всего не читала, а говорила так потому, что надо было что-то сказать. Фраза эта у нее была стереотипной. Жена не читала и его повестей, он знал это. В рукописи его она не заглядывала, да он и не разрешал, а свеженапечатанные повести несколько минут перелистывала, лежа обычно в постели, говорила эту свою фразу и, зевнув, прибавляла, что внимательно прочтет повесть завтра-послезавтра, откладывала ее и больше никогда в руки не брала. Такое отношение жены к его творчеству обижало, но он прощал ей, как прощал все — неуютную, вечно не прибранную квартиру, бесконечные, изнуряющие его разговоры по телефону с подругами и друзьями, нежелание иметь детей, ибо любил ее бесконечно. Но... и этому, кажется, уж давнее время. А сейчас... Что же сейчас?

Чернышов забросил удочку. Сквозь поредевшую листву солнце снова сыпало на черную воду пригоршни золотых углей. Листья деревьев под слабым ветерком трепетали, огненные искры на воде переливались, поплавок какое-то время покачивался на усыпанной желтыми брызгами воде. Потом вдруг нырнул вниз, стал беспрерывно дергаться, наживку схватил пескарь, а может, и елец или другая какая-то рыбина. Но Чернышов вытаскивать рыбину не спешил, и вообще делать этого ему почему-то не хотелось, он ни с того ни с сего вспомнил вдруг ровный и спокойный голос жены, раздававшийся время от времени над его ухом: «Чернышов, у нас кончаются деньги».

Деньги, деньги, деньги... Он зарабатывал их своим писанием немало, а их то и дело не хватало. Но правда и то, что пополнить пустеющий карман было не так уж трудно, стоило сказать об этом Куприку, и он в самом скором времени приносил договор на переиздание каких-нибудь вещей Чернышова, с выплатой крупного аванса. При этом он весело улыбался и говорил обычно одно и то же — выбить этот договор ему стоило сущие пустяки: расходы на такси, на два-три ресторанных вечера да на кое-какие мелкие презенты техническим и финансовым работникам издательства. Потом улыбка с Сениных губ исчезала, на лице появлялось страдальчески-усталое выражение, и он называл сумму, которую якобы потратил на «выбивание» договора. Сумма эта колебалась в зависимости от объема намечаемой к изданию книги, но всегда была немалой. Чернышов знал, что Сеня Куприк никаких ресторанных вечеров не давал, никаких подарков никому не вручал, расходы его ограничивались лишь разъездами на такси — тут вот Сеня барствовал, общественный транспорт он не любил еще больше, чем грубые алкогольные напитки,— но отвечал Куприку, отворачивая глаза, что хорошо, мол, какой разговор, при получении аванса он возместит... Отворачивал потому, что в эти секунды возникало в нем к кому-то, даже и не к Сене, а так, безадресное вроде, чувство брезгливости. Однако оно тотчас проходило, сменялось чувством и словами благодарности к Куприку, ликвидировавшему его очередное финансовое затруднение легко и просто. В ответ Сеня удовлетворенно улыбался и говорил: «У меня, Валенька, просто потребность такая — делать людям добро. Я, по сути дела, ваш добровольный литературный агент... Добровольный, Валенька, и мне никаких вознаграждений за мой труд не надо».

Однажды за рюмкой коньяка он проговорил: «Литературные агенты на Западе, в Америке — обыкновенное явление. Но там они имеют от доходов писателя большой процент». Чернышов никакого второго смысла в словах Куприка тогда не уловил, он даже кивнул, да, мол, имеют, такие уж там порядки, и разговор перешел на другое. Но вот как-то, опять же за обедом или ужином в ресторане, после выхода очередной книги Чернышова, Сеня Куприк промолвил: «Вот судьба, Валенька. От некоего знаменитого русского писателя я отличаюсь всего одной буквой. А гонорары получаю далеко не те». «От какого писателя, какие гонорары?»— и тут не понял ничего Чернышов. «Я говорю, что если бы моя фамилия оканчивалась на букву «н»...» «А-а»,— протянул Чернышов, глядя на Куприка так, будто увидел его впервые. Куприк усмехнулся: «Вы, Валенька, кажется, думаете обо мне нехорошо. А напрасно, напрасно. Я этого не заслужил, мой дружок». Улыбка Куприка была холодная, обиженная. Все это Чернышов ощутил очень явственно и снова почувствовал, что у него внутри возникает к лучшему другу Сене в ответ нечто нехорошее. Но Куприк согнал с лица обиженное выражение, по-родственному прижал его к себе, одновременно погладив по плечу. А потом встал, произнес тост за великую движущую силу советского общества — за литературу, за ее славного представителя Валентина Чернышова, за сборник его новых повестей, в которых серьезно и глубоко исследуются извечные вопросы человеческой совести, смысла человеческой жизни, и потому-то эти его произведения являются заметным вкладом в общечеловеческую копилку духовных ценностей, и он, Семен Куприк, гордится тем, что является современником такого выдающегося писателя, однако судьба была настолько благосклонна к нему, Семену Куприку, что наделила его еще и близкой дружбой с этим оригинальным, самобытным и неповторимым художником.

Слушая эти слова, Чернышов испытывал стыд за возникшее было в нем сейчас и появлявшееся кое-когда раньше чувство неприязни к своему другу. Славный Сеня Куприк, как всегда, был добр, щедр, искренен и на слова и на благородные поступки во имя их давней дружбы. Как бы там ни было, а он всякий раз приходил на помощь, облегчая ему, Чернышову, существование. И с тех пор Чернышов с легким сердцем вдвойне, а то и больше восполнял называемые Сеней издержки по издательским делам. Сеня иногда даже возражал против такой щедрости, чуть ли не возмущался, но деньги брал.

...Поплавок на воде давно не дергался, лежал недвижимо, Чернышов медленно поднял удилище, вынул из воды обессиленного, почти мертвого пескаря. Был это даже и не пескарь, а молодой, сантиметров восьми всего, пескаришка, а смотри ты, подумал Чернышов, как бился на крючке, как дергал поплавок. И неожиданно мелькнула у него ужасная, горькая

и страшная мысль, что и он, Чернышов, он, человек, так же вот подергается-подергается в жизни да и затихнет, обессилев. Вот, кажется, и силы у него начинают убывать. В последние годы все труднее и труднее стало садиться за письменный стол. А что им сделано? Да, что же все-таки сделано? Давно был тот ужин или обед в ресторане, когда Сеня Куприк говорил о нем как о выдающемся писателе? Тогда он верил ему, а теперь знает, что в тех его словах, как в подобных же речах других, как во всех хвалебных статьях, была фальшь, фальшь, фальшь... Его повести не имеют и десятой доли той художественной ценности, которую приписывают им критики. Потому и Нина, самый родной и близкий в этой жизни человек, произведений его не читает, потому и Сапожников с Машей относятся к его творчеству прохладно. Поэтому и читатели на встречах с ним особого восторга по поводу его литературной работы не выражают — так, спокойно, без всяких эмоций выслушают хвалебные слова кого-нибудь из критиков, обычно сопровождающих его на подобных мероприятиях, так же спокойно и равнодушно выслушают его самого, вежливо похлопают. Иногда два-три человека в конце такой встречи подойдут к нему с его книгами и попросят автографы. Когда-то, до каких-то пор Чернышов обо всем этом не задумывался, но ведь это так, так! Критика по поводу его творений шумит, бушует, даже кричит, надрываясь от восторгов, а у людей свои мерки художественных ценностей. А уж у времени тем более!

Насаживая свежего червя на крючок, Чернышов почувствовал, как испытанное не раз чувство неприязни или даже враждебности к Семену Куприку снова возникло в нем, начало потихоньку усиливаться, усиливаться...

6

К полудню кончился всякий клев, Чернышов и Сапожников решили заняться ухой. На спиннинг Сапожников поймал несколько небольших щук, а Чернышов надергал с полсотни пескаришек. Всех пескарей высыпали в котелок, залили чистой холодной водой, повесили над огнем. Костер разложили на опушке зарослей, окаймляющих пруд. Сапожников выпотрошил и тщательно промыл одну из щук, чтоб заложить потом в отвар из пескарей.

На опушке было тихо и тепло, полуденное солнце довольно ощутимо припекало. Прямо к опушке подходило хлебное поле, заваленное кучами вымолоченной пшеничной соломы, где-то далеко постукивал тракторный мотор, звук его доносился еле-еле. Этот единственный звук, то совсем пропадающий, то возникающий снова, подчеркивал пустоту огромного поля и висящую над ним тишину. Ловя ухом далекий металлический стук мотора и вслушиваясь в свое состояние, вызванное недавно ужаснувшей его мыслью, Чернышов думал теперь о безбрежности и нескончаемости жизни. Миллионы лет протекли над этим полем, в течение долгих-долгих веков волновалась тут под ветром одна трава, потом стало жить в ней всякое степное зверье, гнездились птицы, оглашалось это поле только их криками. Но вот появились люди, кони, машины... Когда-то поле впервые распахали, посеяли люди здесь необходимые им злаки, а осенью собрали их. И с тех пор повторяется одно и то же: каждую зиму молчаливо лежит поле под покровом снега, отдыхая и набираясь сил, весной люди засевают его и до осени, до уборочной страды снова над полем стоит тишина, лишь шелестят поднимающиеся хлеба, да временами вспарывается небо скоротечными летними грозами. А осенью опять приходят сюда люди, озванивается поле звуками работающих моторов, человеческими голосами. И опять все утихает, и снова тишина, изредка нарушаемая свистом ветра, снежными вьюгами, царит тут до весны. И так будет повторяться каждый год, каждый год, бесконечно, независимо от того, хорошие или плохие книжки пишет Чернышов Валентин, живет он или уже кончил где-то свой земной путь. И в этом бесконечном повторении заложено то великое таинство жизни, тот величайший ее смысл, над разгадкой которого извечно бьется человечество. Правильно говорит Леонид, люди живут ради того, чтобы жизнь не кончилась. И когда земля окончательно высохнет, когда люди используют все ее природные ресурсы, в том числе и воздух, они, люди, возможно, и найдут другую планету, пригодную для жизни, а там еще и еще множество таких планет обживут и, возможно, когда-нибудь научатся даже воспроизводить необходимые для жизни человека природные ресурсы своих планет,— ну, а все-таки в чем конечный-то, самый конечный смысл жизни и деятельности человека как разумной материи природы?

Задав себе этот вопрос, Чернышов внутренне усмехнулся: новый Манфред нашелся!

Из зарослей вышел Сапожников, неся охапку сухого хвороста, бросил его на землю, потом принялся каждую хворостинку ломать на несколько частей и класть в ослабевающий костер. Огонь сразу оживился, заплясал веселее, начал подниматься выше. Чернышов как-то остро стал ощущать возникающее в нем волнение и, зная уже, отчего оно, думал, что этого конечного смысла никто не знает, вечно будут одни костры потухать, а другие разгораться, освещая всегда новую и всегда иную жизнь с ее извечными людскими страстями, приносящими то безграничные радости и счастье, то неизбывное долгое горе и слезы... Волнение же он начал испытывать потому, что вспомнил неожиданно такой же примерно огонь, в который он подкладывал хворост, а у костра сидела Маша Дмитренко, тоненькая и пугливая девчонка, которую он, Валька Чернышов, до безумия, оказывается, любил...

В начале сорок пятого случилась меж ним, Машей и Ленькой Сапожниковым, та памятная размолвка; целых полтора года, до самого отъезда Валентина в новосибирский институт, отношения меж ними были, ну, не враждебными, конечно, а какими-то неловкими. Они, Маша и Ленька, оба пришли провожать его на вокзал, и он, Валентин, им сказал: «Ну и оставайтесь...» Сказал вроде не зло, не насмешливо, сказал, стараясь придать голосу безразличие, равнодушность. Но глаза у девушки переполнились слезами, губы дернулись, она дважды вскрикнула: «Да сколько же можно? Сколько можно?» И, зарыдав, побежала прочь. Бежала, согнувшись, подняв острые вздрагивающие плечи, прижав ладони к лицу. Весь год Валентин видел перед собой эти вздрагивающие от обиды девичьи плечики, сердце у него больно щемило, до того больно, что из него, казалось, сочилась кровь, в ушах звучали те ее слова: «Сколько же можно?» Эти слова, а главное — голос, каким они были сказаны, постепенно рождали убеждение, что Маша любит, любит его, что надо бы, хорошо бы написать ей письмо, но из какого-то упрямства он писем не писал, никаких вестей о себе не подавал, а приехав летом сорок седьмого на каникулы, войдя в дом и поставив чемодан на пол, тем же равнодушным голосом сказал ей: «Здравствуй...» Он произнес это слово и увидел, что ее худенькое тело напряглось, большие глаза стали, как в прошлом году, наполняться слезами, а красивое лицо исказилось невыносимой мукой. И он невольно вскрикнул: «Ах ты, Машка, Машенька!»— схватил ее за руку и потащил из дома.

Куда они бежали, он не соображал, руки ее не выпускал, она во время этого сумасшедшего бега то плакала, то смеялась, а за селом, обессиленная, упала ему на плечи со словами: «Валя, Валя...»— и уже не смеялась, а только плакала, но это были теперь счастливые слезы.

Потом они где-то разложили костерок, и Валентин так же, как сейчас делает это Леонид Сапожников, подкладывал в огонь хворост, пламя весело плясало и отражалось в счастливых Машиных глазах. «А Ленька Сапог... Сапожников... любит тебя?»— спросил он ее. «Любит»,— грустно откликнулась Маша. «Но... как же тогда?»— глуповато проговорил он. «Откуда ж я знаю. Я-то не могу любить двоих,— ответила она еле слышно.— Я решила поступить в тот же институт, где ты. Чтоб всегда-всегда быть вместе!» «А Ленька?» «Он... он тоже... отправил документы туда же...»— еще тише произнесла она...

— Уха, кажется, готова,— раздался голос Леонида Гавриловича, заставив Чернышова вздрогнуть.— Может, под уху-то... по стопочке?

— А что, можно,— не слыша своего голоса, сказал Чернышов.

Продолжение следует.

ПОЧТА • ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА • ПОЧТА

ИЩУ ДРУГА

После долгих колебаний я все же решился написать в «Огонек». Поймете ли вы меня?

Мне 26 лет, я инвалид, и жизнь моя сложилась так, что нет у меня настоящего друга. А так хочется, чтобы и радостью и горем было с кем поделиться, поговорить по душам. А в моем положении особенно дорога моральная поддержка, доброе, сочувственное слово. Так хочется общения с человеком, который тебя понимает. Думаешь об этом, и невольно приходят на память слова Расула Гамзатова:

Я желаю вам друга такого,
Чтоб в тяжелый, нерадостный час
Произнес настоящее слово,
Что спасительным будет для вас.

Невозможно прожить без печали,
Но хочу я, друзья, пожелать,
Чтобы в радости вы забывали,
Что недавно пришлось горевать.

Так вот, я решил обратиться с просьбой напечатать мое письмо. Может, мне повезет и среди ваших читателей найдется человек, близкий мне по духу, способный понять меня, словом, настоящий друг?

Александр ЧЕРНОВ
Приморский край, пос. Заводской, Харьковская ул., дом № 6, кв. 26.

ДОСАДНЫЕ МЕЛОЧИ

В журнале «Огонек» № 21 от 22 мая 1982 года прочел статью О. Петриченко «Путешествие без романтики».

Около сорока лет я проработал на железнодорожном транспорте, и мне часто приходилось разъезжать по делам службы по железным дорогам нашей страны. Вот и в июне—июле этого года мне пришлось совершить длительное путешествие.

С каждым годом увеличивается объем перевозок пассажиров, а качество их обслуживания ухудшается, как мне кажется, в основном из-за низкой дисциплины обслуживающего персонала. Редко какая поездка обходится без досадных недоразумений.

Например, 22 июня, выезжая из Мурманска, мы попали в купе, где не закрывалось окно. За сутки в Мурманске не смогли его отремонтировать. А посмотрите, всегда ли исправны сетки для мыльниц, крючки для одежды и прочее — вместо них отверстия от винтов. Верно, это мелочи, но таких мелочей очень много.

Кондиционеры работают как исключение, за ними нет надлежащего ухода. Даже на электрифицированных участках дорог часто отопление вагонов индивидуальное, угольное. А ведь было время, когда весь состав отапливался от вагона-котельной.

К сожалению, есть поезда даже без вагонов-ресторанов. У проводников нет то чая для заварки, то сахара, не говоря уж о том, чтобы были печенье или вафли. Попадаются вагоны с неисправным титаном.

Знают об этих беспорядках в МПС: принимают меры, но недостаточно.

В 1949—1951 годах я работал в Чите и помню, что при поездке в Москву в пути следования пассажиры пользовались душем. Но в 70-х годах этого уже не было. Почему?

С увеличением количества вагонов возросла длина поездов, и часто протяженность перронов уже недостаточна, что создает неудобства для пассажиров. Правда, при возвращении 10 июля из Минска в Гомель нам попался вагон с дополнительной ступенькой. Очень удобно, и, по-моему, дешевле, чем на всех остановках строить перроны длиною на двадцать вагонов!

Согласно расписанию, существуют пункты обеспечения поездов водой, топливом; почему-то ничего не сделано для обеспечения пассажиров газетами.

И еще такое замечание. Мы, пассажиры, плохо следим за своим временным домом, небрежно, а иногда и безответственно относимся к оборудованию, сами совершаем мелкие поломки. От пассажиров также надо требовать заботливого отношения.

Г. Г. КАЧАНОВИЧ,
почетный железнодорожник, ветеран труда, участник Великой Отечественной войны

Челябинск.

ЛАБОРАТОРИЯ СОВЕТСКОЙ ОПЕРЕТТЫ

театр

Народный артист СССР В. А. Курочкин.

«Путешествие на Луну».

«Полоса препятствий».

Фото И. Головина

Свердловский театр музыкальной комедии приближается к своему 50-летию, став за эти годы и центром и притягательной силой в жанре оперетты.

Композиторы и драматурги недаром привозят в Свердловск свои новые произведения. В этом театре хотят работать выпускники театральных школ и институтов. Многие артисты из разных городов и театров мечтают о приглашении в коллектив. Сюда приезжают и музыковеды и критики, стремясь увидеть новые спектакли... И прежде всего театр тесно связан со зрителями.

Рожденный в годы первых пятилеток в индустриальном центре Урала, театр с первых же дней приобрел своего постоянного зрителя — рабочего зрителя, который оказывал и оказывает заметное влияние на формирование идейно - художественной направленности репертуара. Коллектив свердловчан по праву стали называть лабораторией советской оперетты.

В труппе работали замечательные мастера: С. Дыбчо, А. Маренич, А. Матковский, Э. Высоцкий, Б. Коринделли, М. Викс, П. Емельянова... Около двадцати лет художественным руководителем театра был народный артист РСФСР Г. И. Кугушев, прекрасный режиссер, сумевший создать неповторимый театр современной темы и большой правды человека—героя наших дней.

Начиная с 1963 года творческую жизнь театра возглавляет Владимир Акимович Курочкин, воспитанник Г. И. Кугушева, сформировавшийся как артист, как творческая личность под его влиянием.

В. А. Курочкин рос в атмосфере поиска, неуспокоенности, высокой профессиональной требовательности. Этими качествами всегда отличался Свердловский театр музыкальной комедии.

Став главным режиссером, Владимир Курочкин продолжил и углубил лучшие традиции коллектива и приумножил его достижения, работая над героико-патриотической темой.

Особенно ярко и последовательно проявилось режиссерское мастерство народного артиста СССР В. А. Курочкина, отметившего недавно свое 60-летие, в спектаклях последнего времени, утверждающих новое в жанре оперетты. Театр предлагает свой путь обновления этого вида искусства, призывает к многообразию современного репертуара, живому и яркому осмыслению классического наследия. Музыка Т. Хренникова, А. Новикова, О. Фельцмана, В. Гроховского соседствует с произведениями классики, что создает в коллективе атмосферу постоянного творческого поиска.

В дружном единстве работают в театре актеры разных поколений. Владимир Акимович — организатор и педагог. Он любит театр и артистов, отдает им свое сердце и вдохновение, поэтому в его спектаклях всегда много радостных удач.

Театр хорошо знают и любят во многих городах — во всех выездах, где коллектив показывает спектакли на гастролях.

Каждый сезон театр открывает новые актерские имена. Это опять-таки характерно для В. А. Курочкина. Он умеет находить способную молодежь, создавать благоприятную почву для дальнейшего роста талантов. Роста советского музыкального театра.

М. ОШЕРОВСКИЙ,
народный артист Украинской ССР, заслуженный артист РСФСР

ЗЛОДЕЙКА С ЧУЖОЙ НАКЛЕЙКОЙ

Коэффициент Вредного Действия

К. БАРЫКИН

Если бы я знал точно, когда в Министерстве пищевой промышленности Армении состоится заседание коллегии, отправил бы к этому дню спешную посылочку: несколько бутылочек минеральной воды «Севан». Убежден, отложили бы все срочные дела министр и члены коллегии, заинтересовались бы моей посылкой. Может, им и невдомек, что такую воду выпускает подведомственное предприятие? Может, не пивали ответственные сотрудники министерства такую водицу? Нет ее у них?

А у меня есть!

Приобрел по случаю. И берегу — вода «Севан» завода «Севан» производственного объединения «Минеральные воды Армении». Самая фирменная продукция! Но теперь ее уже не пустят на прилавки магазинов и в столовые. В чем дело?

Мне показывают бутылки — одну, вторую, третью. В самой чистой из них (хотя понятие «чистая» в данном случае более чем условно) плавают хлопья соломы. В соседней — несколько ос и мушек. «Как оса-то туда забралась?» — спрашиваю я. Мне выставляют еще несколько бутылок минеральной — с наклейками, однако, иного рода: «Яблочное крепкое» — написано на этикетке.

— Осталось немного «крепкого» в бутылке, осы забрались на яблочный аромат. Чуть выпили и, понятно, выползти уже не могли... А бутылки-то на «Севане», похоже, попросту не моют...

...Как только увидели такую продукцию в магазинах, забили тревогу. Госторгинспекция дала указание своим сотрудникам: не щадя времени и сил перебрать и проверить всю продукцию армянского объединения. Вскрыли один ящик с минеральной, второй, сотый, взяли наугад несколько бутылок. И дрогнули даже видавшие виды торговые инспекторы. Дрогнули, но рук не опустили: тотчас вышли на связь с коллегами из Еревана.

— Примите меры!

Прошло какое-то время, ничего не исправилось. Тогда дали знать в объединение. Там выслушали и ответили, судя по всему, в таком примерно духе: «Чего волнуетесь? Берегите нервы. Чего привередничаете?»

Однако не успокоились российские торгинспекторы: письма и акты контрольных проверок снова направляются в республиканское управление государственной инспекции по качеству товаров и торговле Минторга Армении да и в другие инстанции.

В ответ — журчание минеральной воды, выливаемой из грязных бутылок. И по-прежнему посылают щедрые севанцы свою воду во все города и села. В апреле 1982 года бийскому розничному торговому объединению «Продтовары» завод «Севан» поставил четыре вагона минеральной воды «Севан». При проверке (в связи с жалобами покупателей) были выбракованы сотни декалитров «по наличию недопустимых грубых посторонних попаданий, в том числе мух, ос, соломы, а также по наличию на отдельных бутылках старых, неотмытых этикеток». Всю минеральную воду «Севан» забраковали при проверке продбазы № 1 Каменского горторга Ростовской области. Продолжить примеры?

Терпению контролеров пришел конец. Начальник Госторгинспекции РСФСР А. Ф. Малков издал резкий, но справедливый приказ, которым с 6 августа Росбакалее, министерствам торговли автономных республик, управлениям торговли и общественного питания краев и областей РСФСР (словом: всем, всем!) запрещается принимать минеральную воду завода «Севан». Но армянские пищевики, похоже, не унывают. Приказ начальника торгинспекции действует только на территории Российской Федерации. Есть еще четырнадцать республик, а поезд — он железный, ему все равно, какую воду везти.

Будем надеяться: поставят заслон на пути такой «продукции». Поэтому-то я и посылаю министру пищевой промышленности Армении не бутылки (не могу позволить себе отправить уважаемому человеку столь грязную посуду), а эти строки. А прокуратуру Армении прошу сообщить в редакцию: каков коэффициент вредного действия такой, с позволения сказать, работы руководителей объединения «Минеральные воды Армении»?

Жду ваших сообщений, товарищи!

Сергей **СОЛОДОВНИКОВ**

Особое задание

ПЬЕСА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ

Действующие лица:

ИВАН ПЕТРОВИЧ — директор парка культуры и отдыха
ИВАНОВ, **ПЕТРОВ**, **СИДОРОВА** — молодые работники парка, спортсмены-разрядники
ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Кабинет директора. За столом сидят **ДИРЕКТОР, ИВАНОВ, ПЕТРОВ** и **СИДОРОВА.**

ДИРЕКТОР. Вот что, молодежь, у меня для вас особое задание.

ПЕТРОВ. Опять ГТО за кого-нибудь сдавать?

ДИРЕКТОР. Да нет, кое-что поинтереснее (*переходит на полушепот*). На днях комиссия приезжает, а у нас, как вам известно, в центральной аллее трех статуй не хватает. Мелочь, конечно, но может стоить нам квартальной премии. Короче, надо постоять за родной коллектив.

ПЕТРОВ. В каком смысле?

ДИРЕКТОР. В прямом. Вместо статуй. Час-полтора, пока комиссия будет в парке. «Роли» несложные: «Футболист», «Дискобол» и «Девушка с веслом».

СИДОРОВА (*робко*). Так ведь холодно еще, Иван Петрович, простудимся.

ДИРЕКТОР. Не волнуйтесь, я все продумал. Спецодежда, грим и прочий камуфляж уже готовы. Комар носа не подточит. По окончании операции каждому путевка в Крым. Соцстраховская. Договорились?..

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Кабинет директора. За столом сидят **ИВАНОВ** в образе «Дискобола», **ПЕТРОВ** в образе «Футболиста» и **СИДОРОВА** в образе «Девушки с веслом». **ДИРЕКТОР** в крайнем возбуждении расхаживает по кабинету.

ДИРЕКТОР. Уму непостижимо! Так напортачить! А еще в самодеятельности играете. Вот вы, Иванов...

ИВАНОВ. А что я?

ДИРЕКТОР. Во-первых, очки. Где вы видели дискобола в очках?

ИВАНОВ (*снимая очки*). Сейчас даже в хоккей в очках играют. Вот в шведской сборной, например...

ДИРЕКТОР (*отмахнувшись*). Ладно. Во-вторых, как вы держали диск?

ИВАНОВ. У меня рука затекла.

ДИРЕКТОР. Ну затекла, так что? И опустили бы ее совсем, а не клали на поясницу. (*Пародирует позу.*) Не дискобол, а больной радикулитом с грелкой. (**ПЕТРОВ** *смеется*, **ДИРЕКТОР** *поворачивается к нему.*) А про вас, Петров, я и не говорю.

ПЕТРОВ. А что я?

ДИРЕКТОР. Это же надо додуматься — менять позу на глазах у комиссии!

ПЕТРОВ. Если б я ее не сменил, то вообще грохнулся бы. Думаете, легко стоять на одной ноге да еще на мяче?

ДИРЕКТОР. Трудно, но можно. В цирке же стоят. (*Поворачивается к* **СИДОРОВОЙ**, *которая сидит, насупившись.*) Честно скажу: такого от вас не ожидал. Вполне могу понять и разделить ваше возмущение сказанным относительно вашей фигуры... То есть я хотел сказать: фигуры статуи, которую вы изображали,— но бить веслом по голове...

СИДОРОВА (*убежденно*). Если б он мне такое на улице сказал, я бы его вообще...

ДИРЕКТОР. Но вы же не на улице, а в парке культуры! В конце концов председатель комиссии имеет право высказать свое мнение. Короче говоря, подведем итоги. Проверку вы не прошли. Я специально позвал своих приятелей, чтобы они проверили вас, как говорится, в экстремальных условиях. И можете себе представить, если бы вместо них была настоящая комиссия! Так что надеюсь, вы учтете все замечания и завтра, когда она действительно приедет, все сделаете так, как надо. (*Приободряюще.*) Тяжело в ученье — легко в бою. Договорились?..

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Кабинет директора. **ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ** подписывает за столом бумаги, которые ему подкладывает **ДИРЕКТОР.**

ДИРЕКТОР. Вот здесь... И вот здесь, пожалуйста...

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ. Давно хотел вас попросить, Иван Петрович. Стадион пионеров скоро будем открывать, а у них по художественной части слабовато. Не в службу, а в дружбу — подкиньте им в порядке шефской помощи несколько статуй. У вас их, по-моему, и так хватает.

ДИРЕКТОР (*дрогнувшим голосом*). Какие?

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ КОМИССИИ (*достает блокнот*). Я их себе пометил, которые на спортивную тематику. Вот: «Футболист», «Дискобол» и «Девушка с веслом». Договорились?..

Занавес.

Рис. Л. Тишкова

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Английский писатель XIX века. 7. Партизан в романе А. А. Фадеева «Разгром». 10. Город в Иркутской области. 11. Прибор с вращающимся диском, используемый в устройстве для автоматического управления самолетом. 13. Ягодное растение. 14. Музыкально-драматическое произведение. 15. Административно-территориальная единица в Индии. 17. Несгораемый шкаф. 19. Стихотворение В. В. Маяковского. 20. Разновидность халцедона. 23. Сорт яблок. 26. Река на Северном Кавказе. 28. Образец, эталон, модель для производства подобных изделий. 30. Один из видов исполнения звуков аккорда на музыкальном инструменте. 32. Курорт в Армении. 33. Начальник воинской части, подразделения. 34. Государство в Юго-Восточной Азии.

По вертикали: 1. Русский флотоводец, адмирал. 2. Фигурная линейка. 3. Озеро в Восточной Сибири. 4. Народный духовой инструмент. 6. Бытовые удобства. 8. Химический элемент, металл. 9. Французский живописец XVIII века. 12. Грузоподъемное устройство из системы блоков. 13. Птица семейства ибисов. 15. Перевал в Болгарии. 16. Неоконченная поэма А. С. Пушкина. 17. Яркая звезда в созвездии Девы. 18. Керамические изделия. 21. Кабина аэростата. 22. Русский шахматист, чемпион мира. 24. Домашняя птица. 25. Сибирский казак, землепроходец, совершивший походы по Камчатке. 27. Наименьшая величина. 29. Картина А. А. Пластова. 31. Построение в шеренге по росту.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 5. Стабилизатор. 8. Клаузула. 9. Скипа. 11. Хасан. 13. Орша. 14. Радиус. 16. Комета. 17. Пушица. 18. «Радуга». 19. Прокат. 21. Ниамей. 23. Кижи. 25. Зурна. 27. Лемех. 28. Метафора. 29. Антропология.

По вертикали: 1. Залка. 2. Фигаро. 3. Азбука. 4. «Страх». 6. Пикша. 7. Плавт. 10. Присыпкин. 12. Алмасзаде. 15. Спурт. 16. Калан. 20. Ртуть. 22. Егерь. 23. Коттон. 24. Иловля. 26. Амати. 27. Ларга.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Больше двух месяцев продолжается варварская агрессия Израиля против Ливана. Столица страны Бейрут подвергается непрерывным бомбардировкам и артобстрелам. (См. в номере материал «Варварство».)

Фото В. Ковната

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Они любят бег. Члены клуба бега «Муравей» (Калининград. Московская область). (См. в номере материал «Спорт — народу».)

Фото А. Бочинина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Внутренней жизни — 250-56-88; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 212-63-69; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 26.07.82. Подписано к печати 10.08.82. А 00389. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 18,20. Тираж 1 810 000 экз. Изд. № 1826. Заказ № 2777.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

КАКИЕ МЫ РАЗНЫЕ! КАКИЕ МЫ ПОХОЖИЕ!

Фото Игоря ГАВРИЛОВА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663